

ФИЛИП РИВ
АДСКИЕ
КОНСТРУКЦИИ

ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 3

Хроники хищных городов

Филип Рив

Адские конструкции

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Рив Ф.

Адские конструкции / Ф. Рив — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Хроники хищных городов)

ISBN 978-5-389-14532-0

В новой редакции – третий роман эпопеи «Хроники хищных городов». И так, со времени действия «Золота хищников» прошло шестнадцать лет (а «Смертных машин» – восемнадцать). На все это время мир, охваченный войной между Лигой противников движения и движущимися городами, позабыл об Анкоридже, затерянном где-то на берегах Мертвого континента. Но выйдет из войны победителем только тот, кто расшифрует записи таинственной Жестяной Книги, хранящейся в архиве этого города-призрака... Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация «Хищных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером и автором сценария картины выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-14532-0

© Рив Ф., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Спящий пробуждается	6
Глава 2. Анкоридж-Винляндский	9
Глава 3. Пиявка «Автолик»[1]	15
Глава 4. Легенда о Жестяной Книге	20
Глава 5. Новости с океана	27
Глава 6. Мы создаем новый мир	29
Глава 7. Она уходит из дома[3]	34
Глава 8. В плену	41
Глава 9. Послание	45
Глава 10. Родители-приманка	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Филип Рив

Адские конструкции

Philip Reeve
INFERNAL DEVICES

© Н. Жаров, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается, как всегда, Саре, моим редакторам Кирстен
Стэнсфилд и Холли Скит, с благодарностью, и когда-нибудь потом –
Сэму Риву, Тому Скиту и Эдварду Стэнсфилду*

Часть первая

Глава 1. Спящий пробуждается

Сначала ничего не было. Потом что-то сверкнуло, зашипело, как на раскаленной сковороде, и в памяти замелькали неясные образы и воспоминания. Затем раздался сухой треск, напряженное гудение, и вместе с ослепительно-голубым потоком электричества жизнь хлынула в опустошенные каналы его тела и мозга – так морская вода заполняет скальные гроты во время прилива. Тело судорожно напряглось и вытянулось с такой силой, что на какой-то момент застыло на весу, опираясь только на пятки и стальной затылок. Он закричал и очнулся, внезапно ощутив, что куда-то проваливается; глаза запорошила метель атмосферного электричества.

Вспомнил, как умирал. Вспомнил изуродованное шрамом лицо девушки, которая пристально наблюдала за ним, неподвижно лежащим в мокрой траве. Та девушка была ему по-настоящему дорога, гораздо более дорога, нежели позволительно Сталкерам, мало чем дорожившим на этом свете. Ему тогда очень хотелось сказать ей что-то, но никак не получалось. Теперь в памяти остался только туманный отпечаток ее обезображенного лица.

Как же ее звали? Речевые мышцы непроизвольно сократились, и родился звук:

– Э...

– Ожил! – произнес кто-то.

– ЭС...

– Повторить! побыстрее, пожалуйста!

– Внимание!

– ЭСТЕР.

– Разряд!

Еще один удар электрического хлыста выжиг последние остатки воспоминаний; теперь его сознание хранило единственную информацию: он – Сталкер по имени Шрайк. Один глаз начал видеть. Сквозь снегопад помех стали различимы размытые движущиеся пятна. Он наблюдал, как пятна медленно приняли очертания человеческих фигур в свете фонарей на фоне сумеречного неба, по которому стремительно летели одна за другой тучи, а в редких промежутках выглядывала круглая луна. Дождик моросил не переставая. Однаждырожденные, одетые в военную форму, в защитных очках и накидках из водонепроницаемой пленки, сгруппировались вокруг его разрытой могилы. Некоторые держали включенные йодно-кварцевые фонари, у других в руках были какие-то приборы со светящимися электронными лампами и мерцающими в темноте циферблатами. От приборов к его телу тянулись провода. Он понял, что у него с головы снят металлический корпус, верхняя часть черепной коробки вскрыта и его Сталкерский мозг обнажен.

– Мистер Шрайк, вы слышите меня?

Очень молодая женщина склонилась над ним.

Он подумал, не та ли это девушка, чей неуловимый образ так неотступно преследовал его? Но нет: у той, которая ему грезилась, было что-то не так с лицом, а это лицо казалось в полном порядке – широкоскулое, восточного типа, кожа светлая, глаза темные в черной оправе больших очков. Коротко стриженные волосы выкрашены в зеленый цвет. Под прозрачным плащом виднелась военная форма черного цвета, на черном воротнике-стойке – серебряное шитье в виде черепов с крылышками.

Она положила руку на его разъеденную коррозией металлическую грудь и сказала:

– Не волнуйтесь, мистер Шрайк. Понимаю, вам сейчас нелегко прийти в себя. Вы находились в состоянии смерти целых восемнадцать лет.

– СМЕРТИ, – повторил он.

Молодая женщина улыбнулась. Зубы у нее были белые и неровные и казались слишком крупными для ее маленького рта.

– Ну, скажем, в состоянии спячки. Возможно, это слово более точное. Сталкеры старого образца на самом деле полностью не умирают, мистер Шрайк...

Сверху послышался пульсирующий рокот, словно равномерно повторялись удары грома. Тучи окрасились оранжевыми сполохами, превращая в черные силуэты каменные утесы над усыпальницей Шрайка. Солдаты начали беспокойно поглядывать вверх.

– Тупорылые пушки бьют, – прокомментировал один из них. – Прорвались-таки через наши укрепления на болотах. И часа не пройдет, как их пригороды-амфибии будут здесь.

Женщина бросила взгляд через плечо и сказала:

– Благодарю вас, капитан, – но тут же вновь сосредоточила все свое внимание на Шрайке, непрерывно копаясь в его черепной коробке. – Вы отключились в результате серьезного повреждения, но мы все исправим. Я доктор Энона Зеро из корпуса Воскрешенных.

– НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ, – сообщил ей Шрайк.

– Ваша память повреждена, – ответила она. – Сожалею, но восстановить ее невозможно.

Он ощутил прилив ярости и даже паники, будто эта женщина лишила его чего-то жизненно важного, хотя уже не понимал, чего именно. Хотел было выпустить стальные когти, но не смог и пальцем пошевелить, словно все, что от него осталось, – один только глаз, вззирающий на мир с сырой земли.

– Не беспокойтесь, – сказала доктор Зеро, – ваше прошлое уже не имеет никакого значения. Теперь вам предстоит послужить Зеленой Грозе, и очень скоро у вас снова будет что вспомнить.

Небо вокруг ее улыбающегося лица окрасилось красными и желтыми вспышками беззвучных разрывов. Кто-то из военных закричал:

– Они приближаются! Дивизия генерала Наги перешла в контрнаступление, забрасывает противника бомбами-стаканами, только вряд ли это их остановит...

Доктор Зеро кивнула и выбралась из могилы на поверхность, вытирая испачканные глиной руки.

– Надо немедленно эвакуировать мистера Шрайка. – Она еще раз взглянула на лежащего внизу Сталкера и улыбнулась. – Вам нечего бояться, мистер Шрайк! Нас уже ждет воздушный корабль. Переправим вас на Центральную фабрику Сталкеров в Батмунх-Цаке. Мы с вами еще поработаем вместе!

Она посторонилась; на ее место выступили два существа мощного телосложения. Это были Сталкеры; их броню украшала незнакомая Шрайку эмблема в виде зигзагообразной зеленой молнии с наконечником, как у стрелы. Металлические лица плоские, вроде лопаты, нет ни носа, ни рта, только узкие щели-глазницы, светящиеся зеленым сиянием. Сталкеры подняли Шрайка на поверхность и опустили на носилки. Потом молча понесли его по тропинке, а мужчины с приборами поспешали по обеим сторонам носилок по направлению к висящему над землей воздушному караван-сарая, оборудованному системой защиты. От него то и дело отчаливали дирижабли и поднимались к темным намокшим небесам. Доктор Зеро бежала впереди и все время покрикивала:

– Скорее! Скорее! Осторожно! Это же раритет, единственный экземпляр!

Тропинка все круче забиралась вверх, и тут Шрайку стало ясно, почему так торопится доктор Зеро и чем обеспокоены ее люди. В разрывах между утесами виднелось обширное водное пространство, на поверхности которого отражались вспышки непрерывной оружейной стрельбы. Гигантские тени передвигались по воде и по темнеющему вдаль плоскому участку

суши. В сверкании огненных залпов воздушных кораблей, усеявших небо над головой, и бледно-белом сиянии осветительных бомб, медленно опускающихся на парашютах, Шрайк разглядел бронированные гусеницы, огромные стальные челюсти и ярусы спрятанных под металлом фортификационных сооружений и орудийных батарей.

Движущиеся города. Да их там целое полчище! Вот они неумолимо ползут через болота. При виде их в памяти Шрайка снова всплыли какие-то неясные образы. Он помнил похожие города или по меньшей мере знал об их существовании. Однако доводилось ли ему бывать хотя бы на одном из них, и если да, то что он там делал? Тут память отказывала.

И еще ему вспомнилось – на какую-то долю секунды – изуродованное лицо девочки, глядящей на него снизу вверх с доверием и надеждой в глазах, словно в ожидании чего-то обещанного. Носилки со Шрайком быстро приближались к готовому взлететь воздушному кораблю.

Кто эта девочка и почему ее лицо то и дело возникает в его сознании, теперь навсегда осталось для Сталкера неразрешимой загадкой.

Глава 2. Анкоридж-Винляндский

Прошли месяцы. Совсем на другом конце света девочка по имени Рен Нэтсуорти лежала в постели и наблюдала, как полоска лунного света медленно скользит по потолку ее спальни. Уже было за полночь. Стояла глубокая тишина, Рен слышала только собственное дыхание да редкое поскрипывание стен старого дома. Вряд ли где-то еще в мире, подумалось ей, есть более спокойное место, чем то, в котором она живет. Анкоридж-Винляндский был когда-то ледоходным городом, а теперь, полуразрушенный, укрылся в скалах на южном берегу безымянного острова посреди неизвестного озера, затерянного в глухом уголке Мертвого континента.

Однако даже в этой непроницаемой тишине девочке не спалось. Вертелась с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, но лишь запуталась в жарких простынях. Накануне, за ужином, она снова поругалась с матерью. Началось, как обычно, с пустяка: Тилди Смыю и братья Заструджи позвали Рен гулять – и она отказалась мыть посуду.

А потом спор быстро разгорелся в ужасную ссору со слезами, взаимными обвинениями и поминанием старых обид, которыми обе бросались друг в друга, как ручными гранатами, а расстроенный отец держался за пределами поля боя и только повторял: «Рен, утихомирься!», «Эстер, успокойся!».

В конце концов Рен, конечно, пришлось смириться с поражением. Она перемыла посуду и демонстративно отправилась к себе наверх спать, постаравшись, чтобы все это слышали. С той минуты у нее в голове одна за другой рождались колючие фразы, которые хотелось кинуть в лицо матери. Ведь мама даже понятия не имела, что значит быть девушкой пятнадцати лет. Она в этом возрасте со своей уродливой внешностью, наверное, вообще не встречалась с мальчиками, особенно с такими, как Нэт Заструджи, в которого влюблены все девочки Анкориджа и который в разговоре с Тилди обмолвился, что Рен ему очень нравится. Мама, скорее всего, никогда не нравилась ни одному мальчику, кроме папы конечно (и что он в ней нашел, остается для Рен одной из Великих Нераскрытых Тайн Винляндии).

Она снова заворочалась в постели, пытаясь отогнать злые мысли, но, убедившись в тщетности усилий, решила прогуляться. Может быть, на свежем воздухе раздражение выветрится само. А если родители проснутся и обнаружат исчезновение дочери, то пусть думают, что она утонула или убежала из дома, и пусть это послужит для мамы уроком. Рен уже не маленькая, чтобы с ней так обращались! Девочка выбралась из постели, оделась, натянула на ноги носки и ботинки и крадучись спустилась по лестнице в живом безмолвии дома.

Мама и папа решили поселиться в этом доме шестнадцать лет назад, когда Анкоридж только что выполз на здешний берег, а Рен была всего лишь маленьким росточком жизни, зародившимся в мамином чреве. Те события стали частью истории их семьи, рассказы о них многократно выслушивала маленькая Рен вместо сказки на ночь. Фрейя Расмуссен позволила маме и папе выбрать для себя любой дом на верхней палубе города. И они выбрали именно этот – виллу какого-то торговца на улице под названием Сириус-Корт с видом на воздушную гавань. Дом хороший – уютный, добротно построенный, с керамическими трубами отопительной системы, с мозаичными полами и стенами, отделанными деревом и бронзой. Родители годами обставляли свое жилище мебелью, найденной в других брошенных домах по соседству, развешивали картины и портьеры, украшали плавником, который ветром прибивало к берегу озера, и изделиями древних мастеров, добытыми папой на раскопках во время его походов на Мертвые холмы.

Рен неслышно прошла к вешалке в прихожей, где висело ее пальто, не обратив ни малейшего внимания на репродукции на стенах и драгоценные ископаемые останки кухонных комбайнов и телефонных аппаратов, выставленные на полках в стеклянных шкафах. За всю жизнь это барахло ей порядком надоело. А за последний год и сам дом стал казаться слишком тес-

ным, будто она выросла из него. И даже привычный, такой домашний запах пыли, мебельной полировки и папиных книг теперь действовал на нее как-то удушающе. В пятнадцать лет знакомый с детства мир становится мал и начинает жать, как старый ботинок.

Рен закрыла за собой дверь тихо-тихо и поспешила вдоль по Сириус-Корт. Туман окутал Мертвые холмы, словно дым от костра, и пар от ее дыхания тоже повисал в воздухе, как туман. Еще только начало сентября, но уже ощущалось приближение зимы.

Луна опустилась низко к горизонту, на востоке занималась заря, но звезды тем не менее ярко горели. В центре города возвышался Зимний дворец, и его ржавые шпили, увитые плющом, будто покрытые взлохмаченными космами, чернели на фоне светлеющего неба. Дворец когда-то служил резиденцией правителей Анкориджа, а теперь его единственная обительница и последняя маркграфиня, мисс Фрейя, по совместительству работала учительницей в городской школе. С пятилетнего возраста Рен каждый зимний день, кроме выходных, приходила на урок в свой класс, расположенный в одном из залов первого этажа Зимнего дворца, и слушала лекции мисс Фрейи о географии, логарифмах, муниципальном дарвинизме и многом другом, что, возможно, никогда не пригодится ей в жизни. Учиться было скучно, но вот Рен исполнилось пятнадцать, уроки для нее закончились, и ей вдруг стало мучительно не хватать школы. Никогда уж не сидеть ей в своем родном классе – разве только в качестве учительницы самых маленьких, если она согласится принять предложение мисс Фрейи.

С тех пор как мисс Фрейя обратилась к ней с просьбой помочь в обучении первоклашек, прошло уже несколько недель, и Рен следовало поторопиться с ответом, ведь сразу после окончания сбора урожая дети Анкориджа снова пойдут в школу. Однако она все еще не была уверена, действительно ли хочет пойти по стопам мисс Фрейи. Честно говоря, ей не хотелось даже задумываться об этом. Во всяком случае, сегодня.

В конце улицы имелась лестница, ведущая сквозь палубный люк в район машинных отсеков. Металлические ступени загремели под ее башмаками; она глубоко вдохнула поднимающийся навстречу сладкий запах лета: внизу громоздилась целая куча сена. Из-под ног с хрустом отвалились и упали на сено несколько осколков ржавчины. Было время, эта часть города жила полной жизнью; здесь шумно работали мощные двигатели, заставляя Анкоридж легко скользить по льду на самой верхушке мира в поисках торговых партнеров. Но кочевое существование закончилось еще до того, как родилась Рен, а машинные отсеки приспособили под зимние стойла для скота и под хранилища сена и корнеплодов. В тусклом свечении предутреннего неба, проникающем через щели в плитах верхней палубы, девочка могла различить туки сена, сложенные в промежутках между пустыми баками для горючего.

Когда Рен была помладше, эти безлюдные палубы служили ей площадкой для игр. Она и сейчас любила гулять здесь в минуты грусти или ничегонеделания, думая о том, как здорово, наверное, жить в городе, который никогда не стоит на месте. Взрослые только и знают, что талдычат о тяжелом прошлом и как страшно все время ждать, когда тебя сожрет более крупный и скоростной город. Но Рен многое отдала бы, чтобы увидеть высоченные движущиеся мегаполисы, полетать с одного на другой на воздушном корабле, как мама с папой еще до ее рождения. У папы на столе есть фотография, где оба стоят в швартовочной «тарелке» города Сан-Хуан-де-Лос-Моторес на фоне своего маленького, хорошенького, красненького воздушного кораблика с замечательным именем «Дженни Ганивер». Только они никогда не рассказывают о своих приключениях, хотя наверняка их было немало. Рен известно лишь, что в конце концов «Дженни Ганивер» пришвартовалась на Анкоридже, откуда ее угнал злодей, которого звали профессор Пеннироял, и маме с папой пришлось навсегда остаться в городе и смириться с уготованной им долей влачить нынешнее однообразное существование в этой полусонной Винляндии.

«Как же мне не повезло!» – подумала Рен, снова с удовольствием вдыхая теплый цветочный аромат сена. Как было бы здорово, если бы ее отец продолжал заниматься воздушной тор-

говлей! Вот действительно интересная жизнь, не то что сейчас, торчи на этом богами забытом острове, среди людей, у которых главное развлечение – соревнования по гребле на лодках, а для полного счастья достаточно хорошего урожая яблок.

Впереди в темноте хлопнула дверь, заставив девочку вздрогнуть. Она настолько привыкла к тишине и одиночеству, что даже мысль о присутствии поблизости постороннего человека почти пугала. Но тут Рен огляделась вокруг и поняла, что, замечтавшись, дошла до самого центра этого района города, где в старом сарае, притулившемся между двумя ярусными опорами, жил Коул, инженер Анкориджа. Кроме него, больше никто не обитал на нижних уровнях, да и какой глупец выберет для жилья место, окруженное одной только ржавчиной и тьмой, если наверху, под сияющим солнцем, пустуют прекрасные особняки. Но Коул – большой оригинал. Подростком он долгое время жил в Гримсби, подводном воровском притоне, и с тех пор не любил солнечного света, да и чужого общества тоже. Правда, одно время он сдружился со стариком Скабиозом, прежним городским инженером, но после того как тот умер, Коул окончательно замкнулся в себе и почти не вылезал из своей берлоги здесь, в Чреве Анкориджа.

Так зачем же ему понадобилось шататься по машинным отсекам посреди ночи? Снедаемая любопытством, Рен тихонько забралась по металлическому трапу на одну из пешеходных эстакад, откуда поверх моторных шахт хорошо видно хибару Коула. Он стоял возле двери с электрическим фонарем в руке и светил им на какой-то клочок бумаги, который держал в другой руке. Потом сунул бумажку в карман и отправился в сторону границы города.

Рен спустилась по тому же трапу, в темноте нащупывая ногами перекладыны, и последовала за фонарным лучиком. Ее вдруг охватило чувство, похожее на охотничий азарт. Еще в школьном возрасте она перечитала все немногочисленные детские книги, что имелись в библиотеке маркграфини, и больше всего увлекалась рассказами об отважных девочках-сыщиках, неизменно срывающих замыслы контрабандистов или разоблачающих шпионские сети противников Движения. И всегда сожалела о том, что в Винляндии ни разу не совершилось преступления, которое можно было бы раскрыть. Но ведь Коул в свое время занимался воровством! А вдруг в нем проснулись прежние наклонности?

Звучало бы правдоподобно, если не принимать во внимание тот факт, что в Анкоридже красть не имело смысла, поскольку каждый мог взять любую вещь, какая душе угодна, из сотен бесхозных магазинов и домов. Поэтому Рен, с трудом пробираясь между грудями демонтированного оборудования, наваленного позади хижины Коула, попыталась придумать более вероятное объяснение его ночным похождениям. Очевидно, ему не спалось, так же как и ей. Наверное, его что-то заботило. Тилди, подруга Рен, рассказывала как-то, что многие годы тому назад, когда Анкоридж еще только прибыл в Винляндию, Коул был влюблен в мисс Фрейю и мисс Фрейя тоже была влюблена в Коула, но из этого ничего не вышло, потому что Коул уже в то время вел себя не так, как все. И теперь, возможно, он каждую ночь бродит по темным улицам машинной палубы, тоскуя по утерянной любви. Или, наоборот, встретил новую возлюбленную и теперь спешит на романтическое свидание при лунном свете за стенами города...

Эта последняя версия показалась настолько соблазнительной, что Рен невольно прибавила шагу, предвкушая, как утром будет рассказывать Тилди о своем ночном приключении.

Коул, однако, достигнув края города, не остановился, а сбежал вниз по лестничному маршу, спускающемуся прямо к открытой земле, и пошел дальше, вверх по склону холма, водя перед собой из стороны в сторону лучом фонаря. Рен секунду помедлила, потом тоже спрыгнула на пружинистые заросли вереска и незаметно последовала за ним по тропинке, ведущей к сложенному из камней домику. В нем гудела гидроэлектростанция, построенная еще стариком Скабиозом. Но Коул не остановился и там, а так и шагал через яблонево-пастбище, и еще дальше – в лес.

В самой верхней части острова – там, где воздух напоен смолистым запахом сосен, а скалы проступают сквозь тонкий дерн, как гребень на спине ящера, – Коул остановился,

выключил фонарь и осмотрелся по сторонам. В пятнадцати метрах позади него затаилась Рен, спрятавшись в переплетении теней, отбрасываемых в лунном свете стволами деревьев. Легкий ветерок играл ее волосами, а над головой под бездонным ночным небом шевелились сосновые лапы.

Коул взглянул вниз, на спящий город, приютившийся у излома береговой линии на юге острова.

Потом повернулся к нему спиной, поднял фонарь и три раза включил и выключил его. «Он сошел с ума! – подумала Рен, но тут же решила: – Нет, подает кому-то сигнал, прямо как оказавшийся предателем директор школы из „Милли Крисп и тайна двенадцатого яруса“!»

И в самом деле, снизу, со стороны необитаемых каменистых бухт северного побережья, сверкнул ответный огонек.

Коул возобновил движение, и Рен тоже продолжила преследование. Она спускалась все ниже по обрывистому склону северной половины острова, потеряв из виду город. Может быть, Коул и мисс Фрейя снова сошлись, но боятся пересудов и не хотят, чтобы их видели вместе? Рен эта мысль показалась очень романтической, и она улыбнулась, не отставая от Коула на последнем, почти отвесном участке едва заметной тропинки, потом пересекла вслед за ним березовую рощицу и наконец очутилась у самого берега. Слева и справа от нее в озеро вдавались два мыса.

Коула ждали. Но не мисс Фрейя. У кромки воды стоял мужчина и молча наблюдал, как Коул приближается к нему, с громким шуршанием ступая по прибрежной гальке. Даже с такого расстояния, даже при сумеречном свете едва зародившейся зари Рен могла с уверенностью сказать, что этого человека видела впервые в жизни.

Сначала она не поверила глазам. В Винляндии просто не могло быть незнакомых людей! Единственными ее обитателями являлись те, кто прибыл сюда на борту Анкориджа или родился здесь в последующие годы, и Рен знала всех до одного. Но этот мужчина на берегу не входил в их число, и голоса его, когда он заговорил, девочка тоже никогда раньше не слышала.

– Коул, старый приятель! До чего же я рад снова тебя видеть!

– Гаргл, – настороженно произнес Коул, словно не замечая протянутой ему руки.

Они еще что-то говорили друг другу, но Рен прослушала, целиком занятая поиском ответов на вопросы, кто этот незнакомец, как попал сюда и что ему надо.

Вдруг ее осенило, и Рен вовсе не обрадовалась найденному решению загадки. Пропавшие Мальчишки! Так называли ту воровскую шайку, в которой состоял Коул. Еще во времена ледовой эпопеи Анкориджа Пропавшие Мальчишки проникли в город и ограбили его с помощью своих жутких паукообразных машин. Коул тогда перешел на сторону мисс Фрейи и мистера Скабиоза, покинув бывших сообщников. Но так ли обстояло дело в действительности? А что, если все эти годы он поддерживал с воришками тайную связь, выжидая, пока город оправится от невзгод, вновь станет благополучным и процветающим, и вот тогда-то Пропавшие Мальчишки опять нагрянут, чтобы поживиться за его счет?

Однако стоящий на берегу незнакомец выглядел далеко не мальчиком, но взрослым мужчиной с длинными черными волосами. На нем были какие-то пиратские, прямо как в книжках, ботфорты и длинный, до колен, сюртук. Он откинул назад полы сюртука, чтобы просунуть большие пальцы под широкий ремень, и Рен заметила у него на боку пистолетную кобуру.

Тут она поняла: происходит что-то очень нехорошее и опасное. Ей захотелось поскорее очутиться дома, вместе с мамой и папой, и рассказать им обо всем. Но те двое прохаживались по берегу совсем близко, и, если сейчас побежать, они сразу заметят. Рен еще сильнее прильнула к земле за низкими кустиками утесника, растущего вдоль береговой полосы, и даже дышать старалась одновременно с шорохом набегающего на гальку прибоя.

Гаргл – так, кажется, звали того человека – рассказывал, судя по голосу, какой-то анекдот, но Коул резко оборвал его:

– Ты зачем явился сюда, Гаргл? Вот уж не чаял я снова встретиться с Пропащими Мальчишками! Когда нашел у себя под дверью твою записку, подумал даже, что кто-то пытается сыграть со мной плохую шутку. И давно вы ошиваетесь вокруг Анкориджа?

– Со вчерашнего дня, – ответил Гаргл. – Просто заскочили по пути – выяснить, как у тебя дела, знаешь, по старой памяти.

– Тогда чего же вы прячетесь? Мог бы просто прийти ко мне в дом, у всех на виду. Но вместо этого тебе зачем-то понадобилось вытаскивать меня за пределы города, причем втихую, посреди ночи.

– Слово чести, Коул, именно так я и намеревался поступить. Пришвартую-ка, думаю, свою пиявку прямо на берегу, в открытую, не таясь, но сначала все же пошлю на разведку парочку краб-камов – так, на всякий случай! Ну скажи, разве не умница я после этого? Послушай, Коул, в чем дело? Я был уверен, ты здесь большой человек! И что же я вижу – засаленная роба, немые космы, щетина недельной давности! Или на Анкоридже в этом сезоне мода на внешность полоумного бродяги? Ты же, кажется, собирался жениться на ихней маркграфине, Фрейе, как там ее по фамилии?

– Расмуссен, – нехотя подсказал Коул, глядя в сторону от собеседника. – Ну, собирался. Только ничего не получилось. Знаешь, Гаргл, все не так просто. Жизнь в действительности отличается от того, что краб-камы высвечивают тебе на мониторах. Не прижился я тут...

– А я-то решил, что сухопутники приняли тебя с распростертыми объятиями, – произнес Гаргл с деланным недоумением. – Ты ведь для них и карту добыл, и все такое...

Коул пожал плечами:

– Относятся ко мне хорошо, только не гожусь я для них. Сухопутники любят пообщаться, а я не умею вести себя на людях. Если бы мистер Скабиоз не помер, все было бы в порядке. Мы работали вместе, а на работе не до разговоров. Работа заменяла нам общение. Ну, да теперь его не стало... А у тебя как дела? И что Дядюшка? Как он?

– Не забыл его, значит?

– Нет, я о нем часто вспоминаю. Он еще не?..

– На месте старичок, куда он денется, – ответил Гаргл на незаконченный вопрос.

– А помнишь наш последний разговор, как ты хотел избавиться от него, занять его место?

– А я и занял его место, – ответил Гаргл, и его ухмылка сверкнула в темноте. – Того, прежнего, всемогущего Дядюшки больше нет. Он так и не сумел оправиться после переделки на Разбойничьем Насесте. Потерял там своих лучших парней, и все по собственной вине. Он из-за этого чуть сам копыта не откинул. Теперь во всем полагается на меня... Ну, почти во всем. И ребята уважают, слушаются.

– Да уж, не сомневаюсь, – сказал Коул с иронией, непонятной для Рен, будто оба мужчины продолжали какой-то давнишний спор, затеянный еще до ее появления на свет.

– Так о какой помощи ты просил в записке? – спросил Коул.

– Да вот решил к тебе обратиться, – начал Гаргл. – По старой памяти.

– Что ты замыслил на этот раз?

– Да ничего я не замыслил, – обиженным голосом произнес Гаргл. – Коул, поверь, я здесь не на гастролях. Мы не собираемся трясти твоих милых друзей-сухопутников. Мне нужна только одна вещь, одна-единственная маленькая вещица, пропажу которой никто даже не заметит. Краб-камы не смогли ее обнаружить, наш лучший форточник не нашел ее, но я точно знаю – эта вещь здесь. И тогда я подумал: «Нам нужна помощь изнутри». А тут как раз ты. Весь мой экипаж уверен, что на тебя можно положиться.

– Ну, так вы все ошибаетесь, – сказал Коул, и голос его дрогнул. – Хоть мне здесь и не жизнь, но я тебе не Пропащий Мальчишка. Со старым покончено. Хочешь, чтобы я помог тебе ограбить Фрейю? Не дожدهшься. Можете убираться, откуда пришли. Я никому не скажу о вашем появлении, но учти, буду начеку. Если услышу, как где-то краб-кам зашебуршился или

у кого-нибудь вдруг что-то пропало, тут же продам вас сухопутникам. А если еще раз сунетесь на Анкоридж, то, будь уверен, здесь вас встретят так горячо, что мало не покажется!

Он повернулся и зашагал прочь, прошелестев сквозь поросль утесника в двух шагах от места, где затаилась Рен. У подножия холма споткнулся и выругался, затем начал карабкаться по склону, и звуки его возни становились все тише.

– Коул! – окликнул его Гаргл, но не слишком громко, и в голосе его звучала досада и даже обида. – Коул! – Потом замолчал, провел рукой по волосам и замер в безмолвии, словно задумался.

Рен зашевелилась, очень-очень осторожно, потихонечку, готовясь сразу же уползти под деревья, как только мужчина повернется к ней спиной. Но Гаргл продолжал неподвижно стоять. Вдруг он поднял голову и посмотрел точно в том направлении, где пряталась девочка:

– Мои глаза видят и уши слышат лучше, чем у старого Коула, дружок. А теперь можешь подняться.

Глава 3. Пиявка «Автолик»¹

Рен словно пружиной подбросило; она неловко отпрянула в обратную от Гаргла сторону и бросилась наутек на подгибающихся от ужаса ногах, но не успела сделать и трех шагов, как из темноты слева возник еще один незнакомец, схватил ее в охапку, развернув по инерции вокруг, и швырнул обратно на землю.

– Коул! – закричала она, но холодная рука зажала ей рот. Рен увидела над собой другое бледное лицо, наполовину закрытое длинными прядями черных волос.

Подбежал мужчина с берега, и в глаза девочки ударил узкий луч голубого света от включенного фонаря, заставив ее сощуриться.

– Аккуратнее, – сказал тот, которого звали Гаргл. – Убери лапы, не видишь – женщина! Молоденькая. Я так и думал.

Он отвел в сторону луч фонаря, чтобы не слепил Рен. Вначале Гаргл показался ей ровесником Коула, но он был явно моложе. На лице улыбка.

– Как зовут, красавица?

– Р-рен, – выговорила та, запинаясь. – Р-рен Н-н-н-нэтсуорти.

Гаргл на секунду задумался, вычитая в уме лишние «Н», и его улыбка стала шире и дружелюбнее.

– Нэтсуорти? Не может быть! Дочь Тома Нэтсуорти?

– Вы знакомы с папой? – вырвалось у Рен.

В стремительной неразберихе событий она сперва даже представила себе, как отец тоже тайком встречается с Пропащими Мальчишками в безлюдных окрестностях северного берега, но тут же сообразила, что речь, скорее всего, идет о старом знакомстве, когда ее еще не было на свете.

– Я, во всяком случае, отлично помню его, – ответил Гаргл. – Он гостил некоторое время на борту нашей пиявки «Винтовой червь». Твой отец – хороший человек. А твоя мать, наверное, та девушка, со шрамом на лице? Как бишь ее?.. Ах да, Эстер Шоу! То, что Том Нэтсуорти полюбил такую, как она, говорит в его пользу, я всегда так считал. Внешность для него не имеет значения. Для сухопутников это редкое качество.

– Что будем делать с ней, Гар? – спросил тот, что поймал Рен, каким-то странным мелодичным голосом. – Скормим рыбам?

– Давай-ка пригласим ее на борт, – предложил Гаргл. – Хочу поближе познакомиться с дочерью Тома Нэтсуорти.

Рен, постепенно приходя в себя, снова ощутила приступ паники.

– Мне надо домой! – пискнула она, сделав движение в сторону, но Гаргл поймал ее рукой за талию.

– Мы только на минутку, – заверил он со сладенькой улыбочкой. – Поболтаем. Так и быть, расскажу, для чего мы без спроса забрались в ваше озеро. То есть мы всегда и везде забираемся без спроса, но все же, думаю, тебе лучше узнать нашу точку зрения прежде, чем примешь решение.

– Приму решение? – переспросила Рен.

– Да, примешь решение – рассказывать или нет родителям и друзьям о том, что ты здесь видела.

«Кажется, этому человеку можно верить», – сказала себе Рен. Раньше ей никогда не приходилось задумываться, заслуживает ли кто-то доверия. Улыбка Гаргла смущала ее. Она загля-

¹ Автолик (др.-греч. «одинокий волк») – в греческой мифологии ловкий разбойник, обитавший на Парнасе, «самый вороватый из людей». По одной из версий – сын Гермеса.

нула за его плечо и увидела, что вода между двумя мысами светится голубым сиянием, которое сначала приняла за оставшийся в глазах след фонарного луча, но оно не исчезало, а, наоборот, становилось все ярче, и тогда Рен поняла, что свечение проникает из глубины. Затем что-то очень большое с плеском всплыло на поверхность примерно в ста метрах от берега.

На машинной палубе за хибарой Коула ржавела пиявка, на которой он в свое время был на Анкоридж. Это и был «Винтовой червь», и маленькая Рен с друзьями часто играла в прятки между его громадными паучьими ходулями. Он всегда казался девочке немного комичным с его плоскими ступнями и носовыми иллюминаторами, похожими на округлившиеся от испуга глаза. Рен и понятия не имела, как плавно умеет передвигаться пиявка, каким обтекаемым выглядит ее закругленный корпус, когда она неторопливо выныривает из озера и выполняет на берег и с гладких боков вместе с потоками воды соскальзывает мерцание лунного света.

Эта пиявка по размерам уступала «Винтовому червю», более плоская, и напоминала скорее клеща, чем паука. Рен показалось, что ее поверхность покрывают бесформенные камуфляжные пятна, но при обманчивом освещении она не могла рассмотреть как следует. Сквозь выпуклые иллюминаторы было видно совсем маленького мальчика за пультом управления, но его лица тоже не разглядеть из-за струек, сбегаящих по стеклу. Аппарат остановился у самой кромки берега, и из его нижней части бесшумно выдвинулась гидравлическая сходня, с шорохом уткнувшаяся в береговую гальку.

– Добро пожаловать на пиявку «Автолик», – широким жестом пригласил Гаргл, – гордость флота Пропавших Мальчишек. Прошу на борт. Пожалуйста. Обещаю, вернешься на сушу прежде, чем мы пойдем на погружение.

– А если заявятся другие сухопутники? – спросил Пропавший Мальчишка, который, как поняла Рен, был вовсе не мальчик, а девушка с красивым и недовольным лицом. – Может, Коул уже поднял тревогу!

– Коул дал слово, – возразил Гаргл, – а он свое слово держит.

Девушка с сомнением уставилась на Рен. Из-под ее короткой черной куртки нараспашку виднелся засунутый за ремень пистолет.

«У меня нет выбора, – размышляла Рен. – Я должна делать то, что велит Гаргл». И стоило принять однозначное решение, ей уже не составило труда подняться по сходне в прохладное голубовато-светлое нутро пиявки. Да и подумать: если бы Гаргл хотел прикончить ее, было бы проще сделать это на берегу.

Девочку отвели в кормовую часть пиявки, в помещение, служившее, как она догадалась, личной каютой Гаргла. Уродливые стальные стены здесь спрятаны под обоями, на полках книги, повсюду разложены разнообразные сувениры со всего света. Курилась ароматическая палочка, чтобы заглушить запах плесени и железа. От восточного благовония на Рен повеяло дальними странами и загадочными цивилизациями. Она расположилась на единственном стуле, а Гаргл уселся на узкую койку. Черноволосая девушка выжидающе остановилась в проделанном в переборке дверном проеме, по-прежнему не сводя с пленницы неприязненного взгляда. Позади нее возник маленький мальчик, которого Рен заметила через иллюминатор пиявки. Он изумленно рассматривал девочку широко раскрытыми глазами, пока Гаргл не скомандовал:

– Отправляйся на свое место, Селедка!

– Да я это...

– На место!

Мальчика как ветром сдуло, а Гаргл виновато улыбнулся.

– Не обращай внимания, – сказал он Рен. – Селедка – новичок, только-только из Грабияриума, да и пацан совсем, ему недавно десять исполнилось. До тебя видел сухопутников исключительно на мониторах краб-камов. А ты вдобавок хорошенькая...

Рен покраснела и опустила взгляд на роскошный турецкий ковер, на котором ее ботинки уже оставили грязные следы. Она вспомнила: Грабияриум – что-то вроде школы, где Пропащих Мальчишек обучают многочисленным хитростям воровского ремесла. Всех их похитили с нижних палуб плавающих городов в младенческом возрасте, так что они даже не знали, где родились, и увезли в Гримсби, подводный воровской притон. А краб-камы – это такие телекамеры-роботы для наблюдения за намеченными жертвами ограбления. Мисс Фрейя включила Пропащих Мальчишек в список тем для внеклассной работы. А Рен тогда сказала, что от изучения этой темы нет никакого проку...

Гаргл обратился к стоящей в дверях девушке:

– Ремора, наша гостья, похоже, замерзла. Принеси-ка ей горячего шоколада.

– Я не знала, что бывают и Пропащие Девчонки, – заметила Рен, когда девушка вышла.

– В Гримсби многое изменилось с тех пор, как его покинул Коул, – сказал Гаргл. – Только между нами, Рен, признаюсь, что теперь в основном там командую я. Мне удалось избавиться от большинства слишком крутых и задиристых парней, входивших в окружение Дядюшки. И я убедил его похищать не только мальчиков, но и девочек. Их присутствие сделало отношения между обитателями Гримсби лучше, более цивилизованными.

Рен стала наблюдать через полураскрытую дверь, как девушка по имени Ремора с грохотом переставляет посуду в небольшом помещении, приспособленном под кухню, и отметила про себя, что ее присутствие пока никак не делало их отношения более цивилизованными, а скорее наоборот.

– Так она ваша жена? – любопытствовала Рен и тут же добавила, не желая выглядеть слишком консервативной: – Ну, или подруга какая-нибудь?

Девушка на кухне внезапно остановилась и подняла голову.

– Мора – жена? – переспросил Гаргл. – Нет, конечно! На самом деле некоторые девочки освоили воровскую профессию гораздо лучше, чем многие ребята. Ремора входит в число наших лучших взломщиков. Так же как Селедка считается первоклассным механиком, несмотря на юный возраст. Я специально отобрал их для этой командировки, чтобы меня сопровождали самые умелые и надежные. Теперь понимаешь, Рен? В Анкоридже есть нечто, в чем я очень нуждаюсь. Оно попало мне на глаза давным-давно, во время нашего с Коулом первого визита сюда на борту «Винтового червя», но тогда я не прибрал эту штуку к рукам, поскольку не понимал, какая от нее может быть польза.

– И что же это? – поинтересовалась Рен.

Гаргл ответил не сразу, но помедлил, изучающе рассматривая лицо девочки, словно хотел убедиться, что ей можно доверить то, о чем собирался сказать. Рен это понравилось. В отличие от большинства взрослых он относился к ней как к равной. Даже назвал ее женщиной и обращался с ней именно как с женщиной.

– Не думай, что мне это нравится, – произнес он наконец, внимательно глядя ей в глаза. – Поверь, мне совсем не по душе являться сюда вот так, тайком. Я бы предпочел играть в открытую, пришвартовать «Автолик» в гавани Анкориджа и сказать: «А вот и мы, ваши друзья из Гримсби, пришли просить вас о помощи». И это было бы возможно, если бы мои надежды оправдались и Коул стал уважаемым гражданином города. Но при нынешнем раскладе кто нам поверит? Мы же Пропащие Мальчишки, воры. И если мы скажем, что хотим заполучить всего лишь книгу, и ничего, кроме единственной книги из библиотеки маркграфини, нам просто никогда не поверят!

Ремора вошла в каюту и подала Рен жестяную кружку, полную горячего, душистого шоколада.

– Спасибо, – поблагодарила та, обрадованная возможностью переключить внимание и скрыть от Гаргла, как потрясло ее только что сказанное им.

Библиотека мисс Фрейи была для Рен одним из любимейших мест, сокровищницей с тысячами и тысячами чудесных старых книг. Когда-то она располагалась на верхних этажах Зимнего дворца, но, поскольку в той части здания больше никто не жил, отапливать помещения ради книг, по мнению мисс Фрейи, слишком расточительно, и библиотеку перенесли вниз...

– Вот почему вы не можете найти то, что ищете! – вдруг произнесла Рен вслух. – С тех пор как вы были здесь, книги переставили в другом порядке!

Гаргл кивнул, одобрительно улыбаясь.

– Совершенно верно! – подхватил он. – Краб-камам понадобятся недели, чтобы разыскать нужную книгу, но у нас нет столько времени. Вот я и подумал, мисс Нэтсуорти, а не можете ли вы нам?

Рен в этот момент как раз отхлебнула шоколада. На Анкоридже его запасы давным-давно закончились, и Рен уже забыла, какой замечательный у него вкус. Но когда Гаргл задал свой вопрос насчет помощи, она чуть не поперхнулась.

– Я? – смогла она выдавить, прокашлявшись. – Я воровать не обучена...

– Речь идет не о том, чтобы ты воровала, – начал объяснять Гаргл. – Послушай, твой отец – очень умный человек. Насколько я помню, он всегда был с маркграфиней на дружеской ноге. Наверняка через него ты могла бы разведать, где хранится нужная нам книга. Только узнай место, скажи мне, а Ремора проделает всю работу. То, что мы ищем, называется Жестяная Книга.

Рен никогда не слышала о такой книге, и это заставило ее помедлить с ответом, хотя она уже была готова наотрез отказаться. Вопреки ее ожиданию, Гаргл не покусился ни на одно из сокровищ Анкориджа, как, например, на рукописный иллюминированный сборник «Деяния Богов Льда» или *Historia Anchoragia* Уормволда. Поразмыслив, Рен спросила:

– Кому охота читать книжку про жесь?

Гаргл рассмеялся, будто услышал удачную шутку.

– Эта книга не про жесь, – сказал он. – Эта книга сделана из жести. Сшита из жестяных листов.

Рен в недоумении покачала головой. Ничего подобного ей видеть пока не доводилось.

– Зачем она вам?

– Затем, что мы воры, а книга, насколько я знаю, представляет ценность! – объяснил Гаргл.

– Наверное, только вам это известно, раз именно вы проделали за ней такой долгий путь!

– Есть люди, которые коллекционируют старые вещи – книги и прочее. Мы вымениваем у них то, что нам необходимо. – Гаргл помолчал, продолжая глядеть на нее в упор, затем снова заговорил с горячностью в голосе: – Пожалуйста, Рен, просто спроси у отца, и больше ничего. Он же не вылезает из музеев и библиотек, всегда был таким, я же помню! Вполне может оказаться, что ему известно, где хранится Жестяная Книга!

Рен неторопливо допивала шоколад, размышляя об услышанном. Если бы Гаргл охотился за иллюминированными «Деяниями» или одним из дорогостоящих изданий классической литературы, она бы не колеблясь сказала «нет». Но речь шла о каком-то металлоломе, о никому не известном и, судя по всему, не нужном старье... Так есть ли смысл ломать копыя из-за подобного пустяка? Гарглу, очевидно, эта книга нужна позарез, и он готов на все, чтобы добиться своего, а здесь ее наверняка никто и не хватится.

– Хорошо, я спрошу, – нехотя согласилась Рен.

– Спасибо! – Гаргл взял ее за руку.

У него были теплые ладони и красивые глаза.

Рен уже предвкушала изумление и зависть Тилди, когда с наслаждением расскажет ей, как среди ночи угощалась горячим шоколадом в компании дерзкого подводного пирата. Но тут

она вспомнила, что не только Тилди, но и никому другому не сможет сказать о Гаргле и его «Автолике». Что ж, так даже лучше. Теперь у нее есть собственная тайна.

– Давай встретимся завтра около шести в лесочке на верхушке холма, – предложил Гаргл. – Годится? Сможешь улизнуть?

– Вообще-то, в это время как раз ужин... Меня мама будет искать.

– Тогда в полдень. В двенадцать часов. Можно чуть позже.

– Хорошо.

– Ну и ладненько. Хочешь, Ремора проводит тебя домой?

– Не надо, сама дойду, – отказалась Рен. – Я часто гуляю одна в темноте.

– погоди, мы еще сделаем из тебя Пропашую Девчонку! – сказал Гаргл и засмеялся, чтобы Рен не приняла его слова всерьез.

Потом встал, она тоже поднялась со стула, и по узким коридорам пиявки оба направились к сходне. Селедка из рулевой рубки украдкой проводил их взглядом. Снаружи стояла прохладная ночь, светила луна, волны с тихим плеском набегали на берег, и вообще все было так, словно ничего не случилось. Рен помахала рукой, сказала «до свидания», снова помахала, повернулась и быстро зашагала прочь от озера к опушке леса.

Гаргл провожал ее взглядом, пока она не скрылась за деревьями. Сзади подошла девушка по имени Ремора, остановилась рядом и взяла его за руку.

– Думаешь, ей можно верить? – спросила она.

– Пока не уверен, но хочется надеяться. Попытка не пытка. Вообще-то, другого варианта у нас пока просто нет, и времени нет торчать здесь и тыкаться вслепую. В ихней свалке от краб-камов мало толку, тем более что у здешних сухопутников с нами давние счеты. Рано или поздно кому-то из них покажется знакомым шорох магнитных лапок в вентиляционных трубах. Да не переживай ты! Сейчас скажу Селедке, чтобы послал пару камер в дом Нэтсуорти, и, если Рен настучит на нас своим, узнаем вовремя.

– Ну и что будешь делать, если настучит?

– Тогда придется пришить всех, – пожал плечами Гаргл. – А Рен отдам тебе, чтобы ты получила удовольствие и возможность поупражняться со своим хорошеньким ножичком.

Они поцеловались и, обнявшись, поднялись по сходне на пиявку.

Ничего не подозревающая Рен благополучно добралась до дома. В голове у нее творился полный сумбур. Она чувствовала себя и виноватой, и счастливой одновременно. Ей казалось, что за последние несколько часов в ее жизни произошло гораздо больше, чем за все предшествующие пятнадцать лет.

Глава 4. Легенда о Жестяной Книге

Утро с самого рассвета выдалось ясное, над озером раскинулось чистое небо цвета колокольчиков, вода – прозрачная, как стекло, и такая тихая, что все острова Винляндии, казалось, мирно покоятся каждый на своем собственном перевернутом отражении. Рен еще спала, утомленная ночными приключениями, но Анкоридж у нее за окошком уже проснулся. Дымятся трубы всех тридцати заселенных домов, рыбаки приветствуют друг друга, шагая вниз по городским лестничным маршам к берегу, где их ждут причаленные лодки.

Над Мертвыми холмами, расположенными в южной части острова, с северной стороны возвышается пятнистая гора, нижние склоны которой покрывают зеленые заросли кустарника, молоденьких сосенок и сочной травы, испещренной полевыми цветами. Вот на одном из крутых горных лужков пасется стадо диких оленей. Их очень много в лесах этого благодатного острова; некоторые уже переплыли на другие, необитаемые острова и остались жить там. Люди долгое время гадали, откуда взялись олени в этих краях: то ли выжили здесь с тех пор, как пала древняя Американская империя; то ли пришли с Севера, из Заполярья; то ли добрались сюда с дальнего Запада из неведомых и, видимо, обширных зеленых оазисов. Однако единственный интерес, который олени представляли для Эстер Нэтсуорти, когда она натягивала тетиву своего лука, укрывшись среди деревьев с подветренной стороны стада, – это количество добытой оленины.

Спущенная тетива издала короткий, упругий звук, олени высоко подпрыгнули на месте и бросились бежать вверх по склону в спасительную чащу – все, кроме самой крупной самки, упавшей замертво с торчащей из сердца стрелой. Ее тонкие ноги еще долго били копытами в воздухе. Эстер не спеша подошла к затихшей оленухе, вытащила стрелу, обтерла пучком травы наконечник и аккуратно сунула ее на место в висящий за спиной колчан. В безмятежном солнечном свете кровь животного была ярко-красной. Эстер погрузила палец в рану и провела кровавую черту у себя на лбу, одновременно произнося негромким голосом молитву богине охоты, чтобы душа убитой оленухи не преследовала ее. Затем с трудом взвалила тушу на плечо и зашагала вниз по склону холма к лодке.

Другие винляндцы редко охотились на оленей. Объясняли это тем, что им вполне хватает озерной рыбы и птицы. Но Эстер считала, что ее земляки просто слишком мягкосердечные, у них рука не поднимается убивать этих животных с огромными выразительными глазами и красивыми стройными телами. Сердце Эстер было твердым как камень и рука твердая, поэтому и охотницей она слыла самой лучшей. Ей нравилось ощущение покоя и одиночества, которое дарил ей лес ранним утром; здесь она отдыхала от присутствия своей дочери, Рен.

Эстер с ностальгией вспоминала маленькую веселую девочку, какой была Рен в детстве, как она поднимала своими ножками брызги на мелководье или засыпала у нее на коленях под колыбельную песню. И когда дочка с радостью смотрела ей в лицо и нежно трогала пальчиками пересекающий его ужасный шрам, Эстер со светлым чувством думала, что вот наконец появился на свете дорогой ей человек, который будет всегда любить ее такой, какая она есть, не испытывая ни малейшей неловкости из-за уродства матери. Том хоть и утверждает неизменно, что не придает никакого значения внешности и любит ее за многое другое, но Эстер все же так и не удалось справиться с подозрениями, что втайне он мечтает о другой, красивой женщине.

Рен между тем росла и, когда ей исполнилось восемь или девять, начала смотреть на мать так же, как и все вокруг. Нет, она не говорила ничего обидного, просто Эстер хорошо знала этот жалеющий, неловкий взгляд и чувствовала отчужденность Рен, если ее друзья видели их вместе. Дочь стыдилась своей матери.

– Это возрастное, – пытался успокоить жену Том, когда она пожаловалась ему. Он обожал дочь и, как казалось Эстер, всегда и во всем принимал ее сторону. – Подростковый период, сама знаешь. У нее это скоро пройдет.

Но Эстер не знала, что такое подростковый период. У нее детство закончилось, когда она была совсем маленькой и ее мать и мужчину, которого она считала своим отцом, зверски убил Таддеус Валентайн, ее настоящий родитель, а на лице дочери навек оставил страшную отметину. Эстер понятия не имела, что значит быть обычным ребенком... По мере того как выросла Рен, характер ее становился все более своенравным, а длинный, с горбинкой нос деда все заметней выпирал на лице девочки, как лезвие ножа, проткнутое сквозь портрет. Эстер уже с трудом могла спокойно общаться с дочерью и раз-другой со стыдом ловила себя на мысли о том, что лучше бы Рен не рождалась. Ей хотелось снова остаться вдвоем с Томом и, как в старое доброе время, вместе путешествовать по птичьим дорогам.

* * *

Когда Рен проснулась, солнце уже стояло высоко. Через открытое окошко с берега доносились возгласы рыбаков, смех ребятишек, размеренный стук топора во дворе, где отец колот дрова. Девочка почувствовала во рту слабый привкус шоколада. Ей вдруг стало очень радостно на душе. Рен полежала в постели еще немного, наслаждаясь мыслью о том, что никто из этих людей за окном и вообще ни один человек во всей Винляндии ведать не ведает, о чем знает только она. Потом выбралась из постели и побежала в ванную. Из старого, в пятнышках, зеркала над умывальником на нее взглянуло собственное отражение – узкое умное лицо. Рен с обычным отвращением посмотрела на острый, вроде птичьего клюва, нос и прыщики вокруг слишком маленького рта. Зато глаза ей нравились: огромные, широко расставленные, насыщенного серого цвета – глаза моряка, сказал однажды папа, и это прозвучало очень красиво, хоть и не совсем понятно. Она зачесала назад медно-рыжие волосы, связала их на затылке и вспомнила, как Гаргл назвал ее хорошенькой. Раньше Рен не задумывалась о своей внешности, но теперь, разглядывая себя в зеркале, решила, что он прав.

Сбежала вниз по лестнице. В кухне никого. За окном на веревке сушатся белоснежные мамины сорочки. Мама как-то уж слишком переживает по поводу собственной одежды. Носит только мужское (благо заходи и бери, что приглянется, в бесхозных магазинах Заполярной аркады) и лезет из кожи вон, лишь бы все у нее было стирное, глаженое и не дай бог прохудится или моль попортит. Будто опрятная одежда заставит людей не замечать ужасный шрам, рассекающий пополам ее лицо. Это еще одно свидетельство того, какая мама несчастная, подумала Рен, достала кувшин с холодным молоком, налила себе в стакан и размазала мед по оставшейся с вечера овсяной лепешке. Ну хорошо, а каково приходится Рен, имея такую не похожую ни на кого мамашу? Вон отец Тилди, старый мистер Смыю... Никому не кажется странным, что в нем росту меньше метра, ведь он свой, из Анкориджа, к нему привыкли. С мамой же все иначе. Ни с кем не дружит, оттого ее уродство и бросается в глаза людям. Как была чужачкой, так и осталась, из-за нее и дочь тоже иногда чувствует себя здесь посторонней.

Может, потому ее так тянуло сейчас к Пропавшим Мальчишкам. И Гаргл, наверное, ощутил в девочке общее для обоих состояние неприкаянности и решил ей довериться.

На ходу жуя лепешку, Рен вышла во двор, стараясь держаться подальше от белых сорочек, чтоб не запачкать медом. Отец ставил одно за другим поленья на отпиленный от толстого дерева большой кусок ствола и топором раскалывал их на две половинки. Его голову покрывала старая соломенная шляпа, поскольку с возрастом волосы у него заметно поредели и лысина подгорала на солнце. Увидев Рен, он сразу перестал махать топором и сел на обрубок дерева, держась рукой за грудь. Рен поняла, что у отца снова разболелась старая рана; появление дочери дало ему предлог сделать перерыв в работе.

– Ну, проснулась наконец? – только и спросил он.

– Нет, это я во сне хожу, не видишь?

Рен носком ботинка отбросила с дороги пару щепок, под села к отцу, поцеловала его в щеку и положила голову ему на плечо. Она слушала, как жужжат пчелы над ульями в углу двора, и размышляла, как бы завязать разговор о Жестяной Книге Анкориджа, не раскрывая своего истинного интереса. Но вместо этого вдруг решила задать совсем другой вопрос:

– Па, а помнишь тех Пропавших Мальчишек?

Отец замялся, как всегда бывало, когда речь между ними заходила о делах давно минувших дней, и принялся поигрывать широким золотым браслетом у себя на запястье – обручальным браслетом с гравировкой из его с мамой инициалов, сплетенных вместе.

– Пропавших Мальчишек... – повторил он. – Уж их-то я вряд ли когда-нибудь забуду...

– А вот интересно, – продолжала Рен, – они в самом деле такие плохие?

– Ну ты же знаешь Коула. Что ж он, плохой?

– Неплохой, но немного странный.

– Пусть странный, зато человек хороший. Когда тебе понадобится помощь, можешь смело к нему обращаться. Если хочешь знать, именно благодаря Коулу нам удалось добраться сюда. Если бы он не сбежал из Гримсби вместе с картой Снори Ульвессона...

– Да знаю я, знаю... – перебила Рен. – Но я спрашиваю про тех, что в Гримсби. Вот они-то, наверное, действительно плохие...

Том покачал головой:

– Главный у них – Дядюшка – самый настоящий злодей. Он заставляет их заниматься гадкими делами. Но мне кажется, в большинстве Пропавших Мальчишек есть и плохое и хорошее, так же как во всех остальных людях. Помню, там был парнишка по имени Гаргл. Это он спас Коула, когда Дядюшка собирался его убить, а через него и карту для нас тоже он передал.

– Значит, Гаргл такой же хороший, как Коул?

– Пожалуй, да, в определенном смысле.

– А ты видел его? Сколько ему тогда было лет?

– Да совсем маленький, – ответил отец, заметно взволнованный воспоминаниями о жутком, хоть и недолгом времени, проведенном в логове Пропавших Мальчишек. – Лет девять-десять. Может, даже меньше.

Если Гарглу было только девять, когда с ним познакомился папа, значит сейчас ему не больше двадцати пяти, то есть не настолько уж старше ее самой, с удовлетворением подсчитала Рен. И ведь уже тогда совершил благое дело – помог спасти Анкоридж.

– А тебе зачем вдруг понадобилось это знать? – спросил папа.

– Так просто, – постаралась ответить Рен как можно равнодушнее.

Ей впервые приходилось врать отцу, которого она любила, как никого на всем белом свете. Он всегда обращался с ней как с другом, а не просто как с ребенком, и еще не было случая, чтобы Рен скрыла от отца правду. Ей нестерпимо захотелось рассказать ему о происшествии на северном берегу острова и услышать совет, как ей поступить. Но нет, нельзя этого делать, таким образом она предала бы Гаргла.

Том продолжал вопросительно смотреть на нее, и Рен поспешно добавила:

– Не знаю, взбрело в голову ни с того ни с сего, стала думать о них, вот и все.

– Потому что они Пропавшие? Или потому что Мальчишки?

– А вот это секрет! – поддразнила Рен, сунула в рот последний кусок лепешки с медом и чмокнула отца в щеку липкими губами. – Ладно, пойду к Тилди. Пока!

Она вышла со двора через калитку и зашагала по Сириус-Корт, а солнце золотом горело на ее волосах. Том стоял и с гордостью смотрел вслед дочке, любуясь ее высокой стройной фигурой, пока она не свернула за угол. В который раз после всех прошедших лет он изумлялся, как это ему и Эстер удалось создать нового человека, самостоятельную личность.

Укрывшись в тени под поленницей, радиоуправляемый краб-кам фокусировал на Томе свой объектив. Подрагивающее изображение его лица светилось на круглом голубом экране где-то в укромном месте на одном из островков посреди озера.

– Чуть не проболталась! – воскликнул мальчик по прозвищу Селедка. – Теперь он догадается!

Гаргл похлопал его по плечу:

– Не беспокойся. Нэтсуорти так же слеп, как и все сухопутники. Ничего не заподозрит.

* * *

Рен быстро добралась до дома Тилди, но заходить в калитку не стала. Все семейство Смыю, без сомнения, с утра в полном составе отправилось в свой сад собирать яблоки. Рен знала, потому что накануне сама обещала прийти и помочь. Но ведь тогда она даже предположить не могла, что у нее появится более важное дело.

В одно мгновение проскочила через Заполярную аркаду, не забыв посмотреться, как в зеркало, в запыленные витрины заброшенных магазинов, потом бегом по проспекту Расмуссен и наконец взлетела вверх по пандусу, ведущему к Зимнему дворцу. Огромные двери парадного входа летом не закрывались. Рен, не сбавляя хода, вбежала внутрь и позвала:

– Мисс Фрейя!

Но в ответ прозвучало лишь эхо ее собственного голоса, отразившееся от высоченного потолка. Она снова вышла наружу, обогнула дворец по ведущей вдоль стены дорожке, посыпанной гравием, и тут же увидела мисс Фрейю, которая у себя в огороде срывала стручки фасоли и складывала их в корзину.

– Рен! – обрадовалась она при виде девочки.

– Здравсьте, мисс Фрейя!

– Пожалуйста, обращай ко мне просто Фрейя, – сказала мисс Фрейя, наклоняясь и опуская корзину наземь.

Можно подумать, для этой женщины жизненно важно убедить окружающих называть ее просто Фрейя, однако до сих пор ей не удалось добиться своей цели. Долгожители Анкориджа помнили, что она – последняя представительница рода Расмуссен, и в разговоре с ней по-прежнему добавляли официальные титулы «маркграфиня», или «ваше сиятельство», или «свет ледяных полей». Молодежь знала ее прежде всего как свою школьную учительницу, а значит, для них она навечно «мисс Фрейя».

– Ты ведь теперь совсем взрослая, – говорила она, улыбаясь и промокая платочком испарину на своем круглом лице. – Возможно, мы скоро станем коллегами. Ты обдумываешь мое предложение прийти в школу обучать маленьких, когда завершится сбор урожая яблок?

Рен постаралась сделать вид, что ее привлекает эта идея, но пока не приняла окончательного решения. В глубине души она боялась, что если согласится работать в школе, то в конечном итоге станет такой же, как мисс Фрейя, – доброй, толстой и незамужней. Рен быстро переменяла тему разговора, попросив:

– Можно мне взять книгу в библиотеке?

– Конечно! – немедленно, как и ожидала Рен, согласилась мисс Фрейя. – Тебе не обязательно каждый раз спрашивать разрешения. Ты хочешь какую-то конкретную книжку?

– Да, мне папа рассказывал про нее. Жестяную Книгу.

Рен немедленно покраснела с непривычки врать, но мисс Фрейя не заметила.

– Ах, эту старушку! Вряд ли ее даже можно назвать книгой, она скорее антиквариат. Часть хлама, унаследованного от дома Расмуссен.

Обе направились в библиотеку. Неудивительно, подумала Рен, что Пропашим Мальчишкам понадобилась ее помощь. Огромное помещение было забито высоченными, от пола до

потолка, стеллажами с книгами, расставленными в порядке, известном только самой мисс Фрейе. Потрепанные бумажные обложки старых изданий Чун-Май Споффорта и Рифка Буги соседствовали с деревянными футлярами, в которых хранились бесценные древние свитки и рукописные книги. На футлярах золотыми буквами значились названия содержащихся в них манускриптов, но многие уже стерлись и потускнели, так что не прочесть. Да и откуда Пропащим Мальчишкам знать грамоту? В общем, перед бедными воришками стояла практически невыполнимая задача.

Мисс Фрейе пришлось забраться на стремянку, чтобы дотянуться до самой верхней полки. Рен стало совестно и немножко боязно: а вдруг свалится – не пристало маркиграфине с ее весом карабкаться по крутым шатким ступенькам. Но мисс Фрейя знала, что делает, и вскоре благополучно спустилась вниз, порозовев от напряжения, держа в руках футляр, украшенный гербом дома Расмуссен, вырезанным из бивня нарвала.

– Взгляни-ка, – предложила она, отпирая замок футляра с помощью ключика, снятого с крючка на ближайшей стенке.

Внутри ящичек был обит искусственным шелком, на котором лежала вещь, соответствующая описанию Гаргла, – книга из двадцати листов жести размером пятнадцать на двадцать сантиметров, скрепленных между собой ржавой проволокой. Листы толстые, с завернутыми кромками, чтоб не порезать пальцы о заусенцы, металл потускнел и покрылся пятнами ржавчины. На самом первом листе нарисован овал, в нем – корявое изображение орла, а вокруг и внизу – какой-то текст, который нельзя прочесть, настолько стерся. Остальные листы сохранились лучше, вполне можно разобрать длинные строчки букв, чисел и значков, старательно нацарапанных кем-то на жестяной поверхности. Для Рен они ничего не значили. Единственное, что показалось ей хоть сколько-нибудь вразумительным, – приклеенная к последнему листу потертая бумажная этикетка с печатью в виде герба Анкориджа и надписью: *Ex Libris Rasmussen*.

– Не слишком впечатляет, правда? – сказала мисс Фрейя. – Зато считается очень-очень древней. Существует легенда об этой книге, которую историк Уормволд приводит в своей *Historia Anchoragia*. Давным-давно, после ужасов Шестидесятиминутной войны, жители Анкориджа были вынуждены бежать с насиженного места куда глаза глядят, чтобы заново отстроить свой город. Они плыли на утлых лодчонках по северным морям в поисках какого-нибудь острова, где оказались бы в безопасности. По пути натолкнулись на потерпевшую аварию подводную лодку. Ее экипаж погиб от эпидемий и радиоактивных бурь – все, кроме одного человека, который находился при смерти. Он вручил моей прародительнице, Долли Расмуссен, один документ и завещал сохранить его любой ценой. Долли согласилась, и документ передавался от матери к дочери из поколения в поколение рода Расмуссен, пока бумага не пришла в негодность... Тогда сделали копию документа, но, поскольку бумага в то время была большой редкостью, текст переписали на расплюснутых молотом старых консервных банках. И конечно же, люди, которые этим занимались, наверняка имели не больше понятия о его значении, чем мы с тобой. Однако сам факт, что содержание документа дошло до нас из навсегда утерянного довоенного мира, превращает его в священную реликвию.

Рен перелистывала металлические страницы, и они скрипели и скрежетали по соединяющей их проволоке. Она попыталась представить себе переписчика, который при свете фитиля, плавающего в тюленьем жире, посреди вековой темноты ядерной зимы старательно копировал чем-то острым непонятные ему знаки в самоотверженном стремлении сохранить хоть что-то из прежней жизни, погубленной войной.

– Но для чего? – вслух гадала девочка. – И почему тот документ был так важен для моряка с подводной лодки?

– Этого никто не знает, Рен, – ответила мисс Фрейя. – Может, он умер, не успев сказать, а если успел, то его слова канули в Лету. Жестяная Книга – лишь одна из множества нерас-

крытых тайн, доставшихся нам от Древних. Известно только, что среди математических формул почему-то несколько раз упоминается имя тогдашнего божества – Одина. Значит, текст, возможно, имеет отношение к религии. Да, а орел на первом листе соответствует печати президента Американской империи.

Рен критически взглянула на рисунок:

– По мне, так больше похоже на мокрую курицу.

Мисс Фрейя засмеялась. Она стояла в сиянии полуденного солнца, заливавшем библиотеку через оконные проемы, и казалась невероятно красивой – большой и золотистой, словно земная богиня, и Рен чувствовала огромную любовь к этой женщине и одновременно стыд из-за того, что хочет ее обворовать. Она задала еще несколько вопросов для отвода глаз, хотя, в общем-то, потеряла интерес к истории Жестяной Книги. Потом вернула древнюю реликвию владелице, пообещав не медлить с ответом, намерена ли она стать учительницей, и оставила мисс Фрейю копать в огороде.

* * *

Время летело, тень от Зимнего дворца быстро перемещалась по ржавому настилу городской палубы по мере того, как поднималось солнце. Приближался условленный час свидания Рен с Гарглом. А на душе у девочки становилось все беспокойнее. Гаргл, конечно, решительный, смелый, красивый, и ей очень хотелось помочь Пропавшим Мальчишкам, однако рука не поднималась красть у людей, вместе с которыми жила со дня своего рождения. Рано или поздно кто-нибудь хватится Жестяной Книги, и тогда мисс Фрейя припомнит расспросы Рен и подозрение неизбежно падет на нее.

И вообще, что это за Жестяная Книга такая? Почему Гаргл из кожи вон лезет, чтобы заполучить ее? Рен не настолько глупа. Она знала, что некоторые документы Древней эры могут содержать по-настоящему опасную информацию; папа рассказывал как-то, что Лондон – город, в котором он вырос, – буквально разрушило до основания устройство под названием МЕДУЗА. А вдруг Жестяная Книга – инструкция по сборке подобного устройства и Гаргл нашел способ расшифровать эти записи?

Рен добрела до южного края города, спустилась к причалу по трапу, истертому сапогами рыбаков, села на берегу в тени старых, давно заржавевших гусениц и стала размышлять о том, как же ей все-таки поступить. Огромная тайна, вызывавшая поначалу приятное волнение, теперь все больше распирала ее изнутри и превращалась в источник досадного беспокойства. Хотелось поделиться с кем-нибудь своими сомнениями. Но с кем? Только не с мамой, или папой, или мисс Фрейей; известие, что Пропавшие Мальчишки добрались до Винляндии, приведет их в ужас. Тилди? У нее, скорее всего, начнется истерика. Рен подумала было, а не рассказать ли обо всем Нэту Заструджи, попросить его о помощи, но почувствовала, что теперь, после знакомства с Гарглом, он больше не кажется ей таким уж красивым; да и вообще, просто мальчишка, неинтересный вовсе, увалень и ни в чем не разбирается, кроме рыбной ловли.

Задумавшись, она не заметила, как в заводь вплыла лодка и причалила к берегу, пока не услышала голос матери:

– Рен! Ты что там сидишь? Иди сюда, помоги мне вытянуть это!

«Это» оказалось безжизненным телом несчастной маленькой оленухи с дырой в груди. Мама тащила его через борт лодки, чтобы затем отнести домой на Сириус-Корт, а там разделать и засолить мясо на зиму. Рен поднялась и направилась было к матери, но тут обратила внимание на солнце, которое стояло уже высоко.

– Не могу! – сказала она.

– Что?

– Меня ждут!

Эстер уронила тушу животного и уставилась на дочь:

– Кто же тебя ждет? Полагаю, этот мальчишка, Заструджи?

Рен не собиралась затевать очередную ссору, но после слов матери вспыхнула как спичка.

– Ну так что из того? – повысила она голос. – Почему бы и нет? Я уже не маленькая! Может, хочешь, чтобы я была, как ты? Если ты в моем возрасте не нравилась мальчикам, это не значит...

– В твоём возрасте, – перебила ее мать глухим низким голосом, в котором звучала угроза, – я уже испытала такое, о чем ты понятия не имеешь. И мне хорошо известно, чего можно ожидать от людей. Вот почему и я, и папа все время защищаем тебя, не отпускаем от себя, чтобы ты была в безопасности.

– Ах, вы меня защищаете? – с горечью воскликнула Рен. – Ну конечно, тебя послушать, в Винляндии опасности подстерегают на каждом шагу! Да здесь ничего никогда ни с кем не может случиться! Только и твердишь, как тебе тяжело жилось, как мне повезло по сравнению с тобой, а я считаю, жизнь тогда была гораздо интереснее! Наверняка и папа так думает. Я же видела, как он подолгу рассматривает ту фотку с вашим воздушным кораблем. Папа любил свободу, ему нравилось летать по всему свету, и я уверена, летал бы до сих пор, если бы не застрял здесь с тобой!

Тут мама ударила ее. Пощечина была сильной и неожиданной, широко раскрытой ладонью, и мамин обручальный браслет оцарапал щеку Рен, когда голова у нее дернулась в сторону. Мать, бывало, раньше шлепала ее, но в последний раз это случилось давным-давно. Рен почувствовала, как горит щека, дотронулась и увидела на пальцах пятнышки крови. Хотела что-то сказать, но горло сдавило, и она не смогла произнести ни слова.

– Вот тебе, – пробормотала Эстер охрипшим голосом.

Казалось, случившееся потрясло ее не меньше Рен. Она протянула руку, желая лишь слегка коснуться лица дочери, но та увернулась и бросилась бежать по берегу в густой прохладный сумрак под громадой Анкориджа. Пронеслась через нежилые кварталы старого города и снова выскочила с другой стороны на солнцепек среди зеленых пастбищ. Вслед донесся сердитый голос матери: «Рен! Вернись! Вернись немедленно!» Но девочка бежала и бежала по опушке леса, чтобы не попасться на глаза сборщикам яблок в садах, бежала, не разбирая дороги, пока, запыхавшаяся, вся в слезах, не очутилась на скалистой верхушке горы, где ее ждал Гаргл.

Глава 5. Новости с океана

Он был сама доброта и участие: усадил ее на теплый мох, ковром устилающий валун, вытер носовым платком горькие слезы обиды и держал за руку, пока девочка не успокоилась и не смогла говорить.

– Ну что ты, Рен? Что с тобой?

– Ничего. Нет, честно, ничего... Ну и пусть. Это все мама. Она плохая.

– А вот это неправда. – Гаргл опустился на колени рядом с ней.

Рен казалось, что с момента ее появления он ни на секунду не отвел в сторону своих добрых, заботливых глаз, прикрытых синими очками, глаз друга.

– Тебе повезло, что у тебя есть мама, – продолжал Гаргл. – Пропавших Мальчишек похищают, когда они совсем маленькие. Никому из нас не известно, кто наши мамы и папы, хотя иногда они приходят к нам во сне, и тогда очень-очень хочется увидеть их наяву. И раз твоя мама строга с тобой, значит ты ее чем-то расстроила.

– Ты ее просто не знаешь, – еле выговорила Рен, стараясь не всхлипывать. Наконец это ей удалось, и она добавила: – Я видела ту книгу.

– Ты нашла Жестяную Книгу? – В голосе Гаргла звучало неподдельное удивление, будто, обеспокоенный состоянием Рен, он совсем забыл, для чего в первую очередь явился сюда, в Винляндию. – Спасибо тебе! За одно утро тебе удалось сделать то, на что у нас бы ушло не меньше недели. Где она?

– Не знаю, – неуверенно промолвила Рен. – То есть я не знаю, правильно ли будет, если скажу тебе. А тебе известно, что это за книга? Мисс Фрейя рассказала мне о ее происхождении, но... Для чего она может понадобиться кому-то? Что с ней делать?

Гаргл поднялся с колен и, глядя прямо перед собой, молча отошел от девочки, остановившись к ней спиной среди сосен. Как показалось Рен, он обиделся и рассердился, и она испугалась, что говорила с ним слишком недружелюбно. Но когда тот снова повернулся к ней лицом, оно выражало лишь тревогу, и ничего больше.

– Рен, мы в опасности, – начал Гаргл. – Ты когда-нибудь слышала о профессоре Пеннирояле?

– Конечно. Он стрелял в папу и серьезно ранил его. Из-за него чуть не погиб весь Анкоридж. Он угнал воздушный корабль, принадлежавший маме с папой, и скрылся на нем...

– Так вот, Пеннироял написал обо всем этом книгу, – продолжал Гаргл, – под названием «Золото хищников». Еще в ней говорится о том, как «пираты-паразиты», по его собственному определению, появляются из морских глубин сквозь ледяную толщу и грабят города. Содержание книги в основном – сушая клевета, но ее раскупают, как горячие пирожки, жители плавающих городов Северной Атлантики и городов-ледоходов, то есть именно тех, за счет которых существуют Пропавшие Мальчишки. Города принялись устанавливать у себя олд-тековские охранные системы и ежедневно проверяют свои днища, чтобы вовремя обнаружить паразитов. Теперь пиявкам стало намного опаснее работать!

Профессор Пеннироял... На протяжении всей своей жизни Рен то и дело слышала рассказы о злодеяниях этого человека. Она видела на груди отца длинный, похожий на перевернутую букву «Г» шрам, оставшийся после того, как миссис Скабиоз извлекла оттуда пулю. А теперь его жертвами, оказывается, стали и Пропавшие Мальчишки!

– Но все же непонятно, зачем вам Жестяная Книга? – настаивала Рен.

– Мы вынуждены посылать пиявки все дальше и дальше на юг, – стал объяснять Гаргл. – Прямоком в Срединное море и Южный океан, где плавающие города еще не ждут нас. Во всяком случае, до сих пор не ждали. Этим летом у нас начали пропадать пиявки. Сразу три штуки уплыли в южном направлении и не вернулись. Никаких сообщений, сигналов бедствия, ничего.

Я даже подумал, что какой-то из городов обзавелся аппаратурой, позволяющей засекаать нас еще на подходе, и потопил или захватил в плен те пиявки. А если наши попали в плен и заговорили под пытками...

– Кто-то может пуститься на поиски Гримсби?

– Именно. – Гаргл посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом, словно благодарил за понимание и радовался тому, что доверился этой смышленной девочке. Потом снова вернулся к делу: – Нам необходимо победить сухопутников в этой борьбе за выживание, Рен. Вот почему мне нужна Жестяная Книга.

– Но в ней ничего нет, кроме бесконечных чисел, – возразила Рен. – Она хранилась на американской подводной лодке...

– Правильно, – подхватил Гаргл. – У Древних имелись подлодки, намного совершеннее всего, что есть сейчас у нас. Подводные крейсеры величиной с город могли запросто обогнуть весь земной шар, ни разу не всплывая на поверхность, чтобы пополнить запас воздуха. Обзаведись мы такой техникой, никакие сухопутники не страшны. Мы бы сделали движущимся весь Гримсби целиком, и тогда ищи ветра в море.

– Так ты думаешь, Жестяная Книга – это описание конструкции подводной лодки?

– Вряд ли полное описание, но наверняка достаточное, чтобы понять, как она устроена. Прощу тебя, Рен, скажи, где хранится книга?

Рен покачала головой:

– Послушай, вам не нужно бояться мисс Фрейи и остальных. Давай пойдем в город вместе. Познакомишься со всеми. Я расспросила папу, и он сказал, что ты помог спасти Анкоридж. Опять же тебе, как и нам, тоже досталось от Пеннирояла. Я уверена, мисс Фрейя с радостью подарит тебе Жестяную Книгу.

Гаргл тяжело вздохнул:

– Хотелось бы, чтоб это было так. Очень хотелось бы. Да только времени нет. Столько придется объяснять, преодолевая барьер недоверия. А пока мы здесь разговоры разговариваем, пиявки продолжают исчезать и враг, возможно, уже подбирается к Гримсби. Прости, Рен. Нам придется провернуть это дело так, как подобает Пропавшим Мальчишкам. Скажи, где книга, мы сегодня же возьмем ее и отчалим. А уж потом, когда Гримсби снова будет в безопасности, я, возможно, вернусь, познакомлюсь со всеми и наши города будут сосуществовать в мире и согласии.

Рен отстранилась от него и поспешно отошла в сторону, туда, где сквозь деревья можно видеть верхушки крыш Анкориджа. Конечно, он говорил несерьезно насчет того, что вернется, Рен не сомневалась. Сказал это только для ее успокоения. Уедет, и она уже никогда его не увидит. Зачем ему возвращаться в винляндское захолустье, если перед ним открыт весь мир? Мир городов, что плывут, летят, катятся, а в небе над ними повсюду парят воздушные корабли? Вот в какой мир возвращается Гаргл, а она... Самое большее, что выпадет на ее долю, – работать помощницей мисс Фрейи, медленно стариться в беспросветной скуке Анкориджа и когда-нибудь – если мама разрешит – стать женой Нэта Заструджи и нарожать ребятишек, не знающих, куда деваться от той же нескончаемой скуки.

– Рен, – позвал Гаргл.

– Нет, – решительно сказала она и повернулась, глядя ему в лицо и стараясь сдерживать дрожь в голосе. – Нет, я не скажу тебе, где спрятана книга. Я сама возьму ее и принесу сегодня вечером. И уеду с тобой.

Она засмеялась и широко развела руки, словно охватывая Анкоридж вместе с озером и холмами за ним и весь Мертвый континент.

– К черту этот город! Мне здесь слишком тесно. Ты уедешь, и я уеду. Хочу увидеть Гримсби, и Охотничьи земли, и плавучие города, и движущиеся города, и птичьи дороги. Вот моя цена за Жестяную Книгу! Я сама принесу ее тебе, а ты возьмешь меня с собой.

Глава 6. Мы создаем новый мир

Доктор Зеро самоотверженно относилась к работе, часто задерживалась допоздна, когда фабрика Сталкеров затихала и пустела в ночи, и все продолжала своими чуткими пальцами оперировать вскрытую грудную клетку или обнаженный мозг Шрайка. При этом постоянно разговаривала со старым Сталкером, сообщая обо всем, что произошло за годы, прошедшие со дня его погребения. Рассказала и о том, как в странах – противниках Движения в старой Азии и на Севере – власть перешла к экстремистской фракции Зеленая Гроза и та начала затяжную войну против движущихся городов. Рассказала о бессмертном вожде Зеленой Грозы – Сталкере Фанг.

– ВОЖДЬ – СТАЛКЕР? – удивился Шрайк.

У него уже сформировалось свое представление о Сталкерах Зеленой Грозы: бездумные, безликие существа, не способные даже восстановить собственный энергетический ресурс, потому что кто-то посторонний должен вынимать и после подзарядки вновь устанавливать их аккумуляторы через каждые несколько дней работы. Подобные ублюдочные образцы стали нынешним стереотипом Воскрешенных людей. Непостижимо, каким образом одно из таких несовершенных созданий могло вести в бой целые армии.

– Нет-нет, Сталкер Фанг совсем не похожа на них, – заверила его доктор Зеро. – Она прекрасна, она гениальна. В ее мозгу, как и в вашем, использован олд-тек, а корпус оснащен специальными устройствами и сконструирован на основе тела знаменитой Анны Фанг, агента Лиги противников Движения. По мнению руководства Грозы, под предводительством воскрешенной Анны Фанг мы сможем довести войну против варваров до победного конца.

При упоминании о войне в сознании Сталкера Шрайка проснулись первичные инстинкты. Мышцы рук напряглись – однако, вопреки ожиданию, он не услышал клацанья выпускаемых лезвий.

– Я демонтировала ваши перстяные клинки, – сказала доктор Зеро.

– НЕДОУКОМПЛЕКТОВАННОСТЬ ВООРУЖЕНИЕМ СНИЖАЕТ МОЮ БОЕСПОСОБНОСТЬ, – заметил Сталкер.

– Мистер Шрайк, – начала объяснять доктор Зеро, – у меня хватает подручного материала, чтобы собрать очередного функционально ограниченного боевого Сталкера. Мы не испытываем недостатка в человеческих трупах для технологического воскрешения. Но вы представляете для нас особую ценность, ваша древняя конструкция недостижима для современного производства. Вы не просто машина-воин, вы – личность. – Она прикоснулась к его невооруженной ладони. – Мне приятно работать со Сталкером, которому доступны чувства однажды рожденных.

* * *

Для переброски Шрайка в место дислокации передового командования прибыл воздушный корабль «Печаль всего сущего»². Во время полета курсом на запад Сталкер стоял в наблюдательной гондоле рядом с доктором Зеро. Под ними проплывали сначала заснеженные горные вершины, затем восточные равнины Охотничьих земель, которые теперь контролировала Зеленая Гроза, где там и сям посреди травы громоздились ржавеющие останки движущихся городов, павших на поле боя.

² «The Sadness of Things» – песня Момуса с альбома «The Philosophy of Momus» (1995) или же заглавная композиция с эмбиент-альбома (1996) Дэвида Тибета и Стива Стэплтона.

– Всю эту территорию мы захватили в первые же недели войны, почти четырнадцать лет назад, – поясняла своему подопечному доктор Зеро. – Варвары совершенно не ожидали широкомасштабного воздушного налета, осуществленного с низкой высоты из-за горного прикрытия. Мы начали быстро продвигаться на запад, гоня перед собой стадо дезорганизованных городов, сметая с пути любого, кто отваживался развернуться и оказать сопротивление. Но постепенно города стали группироваться и создавать оборонительные позиции. Так, объединение немецкоговорящих промышленников «Тракционштадтсгезельшафт» сумело остановить продвижение наших войск на запад и отбросить их назад в район Ржавых болот, а сборища славянских бродячих городишек нанесли удары по нашим укреплениям на Хамчатке и в горах Алтай-Шаня. С тех пор дело застопорилось. Время от времени нам удавалось незначительно продвинуться на запад и уничтожить несколько городов, иногда они оттесняли нас на восток и по пути пожирали наши крепости и фермы.

Местность внизу стала выглядеть иначе: земля изрыта и исполосована шрамами – следами недавних сражений. Солнечный свет отражался в заполненных водой громадных воронках, как в зеркалах, вшитых в толстое одеяло из грязи. С такой высоты широкие борозды от гусениц вражеских боевых пригородов и траншеи позиционной обороны грозовиков казались почти одинаковыми.

– Все твердим, что снова делаем мир зеленым, – грустно вздохнула доктор Зеро. – А на самом деле только превращаем его в грязь.

* * *

Передовое командование расположилось в захваченном движущемся городе – небольшом четырехъярусном сооружении, застывшем у подножия холма в районе северной окраины Ржавых болот. Перебитые гусеницы валялись в грязи. На искореженных и закопченных нижних уровнях никаких признаков жизни, зато на верхних этажах в стущающихся сумерках загорались огоньки. Боевые дирижабли непрерывно садились и взлетали с построенных на скорую руку причалов, над поврежденными кровлями зданий взмывали стаи птиц. Шрайк удивился, как организованно уворачивались птичьи стаи от воздушных кораблей, но когда «Печаль всего сущего» подошла ближе, понял, что это не живые птицы, а Сталкеры. Их глаза светились точно таким же потусторонним зеленым светом, как и его, а вместо клювов и когтей поблескивали лезвия. Внизу, по дорогам, проложенным в грязи бульдозерами, маршировали колонны Сталкеров – человекообразных и похожих на огромных крабов, членистоногих.

– У ЗЕЛЕННОЙ ГРОЗЫ МНОГО СТАЛКЕРОВ, – заметил Шрайк.

– А нужно еще больше – у Зеленой Грозы впереди много сражений, – ответила доктор Зеро.

«Печаль всего сущего» приземлилась на посадочной площадке под стенами городской ратуши.

Там их встречал маленький лысый старичок, закутанный в подбитую мехом мантию. Он то и дело вздрагивал от грохота оружейных выстрелов, которые докатывались с запада, со стороны болот. При виде Шрайка, спускающегося по трапу воздушного корабля, старичок осклабился.

– Привет, старина! Приятно знать, что ты снова в строю! Помнишь меня? Мы встречались в Лондоне, вечная ему память. Я был одним из ассистентов старушки Твикси, вместе исследовали тебя.

Мозг Шрайка, рассчитанный на запоминание внешности не менее десяти тысяч однаждырожденных, теперь хранил только образы доктора Зеро и некоторых техников с фабрики Сталкеров. Шрайк внимательно осмотрел желтые зубы старика, татуировку в виде крас-

ного колеса, прячущуюся в морщинистых складках между кустистых бровей, и вопросительно повернулся к доктору Зеро, как ребенок в ожидании подсказки матери.

– Это доктор Попджой, – объяснила та успокаивающим тоном, – личный хирург-механик нашего вождя. Создание корпуса Воскрешенных – его заслуга.

Затем продолжила, повернувшись к старику:

– Боюсь, у мистера Шрайка не много осталось воспоминаний из его биографии, доктор Попджой. Часть мозга, содержащая эту информацию, оказалась серьезно повреждена, и мне не удалось получить к ней доступ.

– Жаль-жаль, – задумчиво протянул Попджой. – Могли бы посудачить о былом. Впрочем, так даже лучше.

Он дважды обошел вокруг Сталкера, похлопывая рукой по новому сияющему корпусу, подергал за гибкие кабели, выступающие из-под стального затылка, и одобрительно хмыкнул:

– Отлично, милочка! Сделано на совесть! Даже у меня не получилось бы лучше!

– Я лишь стараюсь выполнять свой долг перед Сталкером Фанг, – кротко проговорила доктор Зеро.

– Мы все стараемся, милочка. Ну, хватит болтать, пошли наверх. Она ждет нас.

* * *

Длинные коридоры здания скудно освещались аварийными фонарями. Одетые в военную форму однаждырожденные сновали, выкрикивая команды, размахивая листами бумаги, громко переговариваясь через трансиверы радиосвязи. У многих волосы окрашены в зеленый цвет в знак верности Грозе. Между собой общались условными фразами фронтового кода, и Шрайк открыл для себя, что понимает их превосходно – без сомнения, благодаря предусмотрительности доктора Зеро. Интересно, какие еще новшества она внесла в его программу, думал Шрайк, поднимаясь вслед за ней и Попджоем по широкому лестничному пролету.

На площадку выходила двустворчатая, обитая бронзой дверь, испещренная вмятинами от пуль. Часовые с лязгом вытянулись по стойке смирно.

– Корпус Воскрешенных, – небрежно бросил Попджой. – Ее превосходительство ждет нас.

Обе створки широко распахнулись, открыв доступ в просторный темный зал. Новая зрительная система Шрайка автоматически переключилась на ночное видение. Он обратил внимание, что дальняя, западная, стена защищена бронированным покрытием без окон, зато с длинной незастекленной прорезью, похожей на щель в забрале рыцарского шлема. Фигура наблюдателя, приникшего к амбразуре, лишь приблизительно напоминала человеческую.

– Ваше превосходительство... – обратился к фигуре Попджой.

– Ждите, – ответил из темноты приглушенный властный голос.

Попджой замер. В наступившей тишине Шрайк уловил, как у доктора Зеро стучали зубы и колотилось сердце.

Внезапно гигантское зарево разлилось где-то в районе западных болот, наполняя помещение оранжевым светом, который тут же задрожал и затрепетал после того, как первая вспышка разделилась на мелькание бесчисленных огоньков стрелкового оружия и на белое свечение повисших в воздухе звездочек фосфорных ракет. Пол под ногами Шрайка дрогнул, старые металлические конструкции скрипнули. Через несколько секунд издалека докатился грохот и глухие удары, словно кто-то передвигал тяжелую мебель в соседней комнате.

Сталкер Фанг, обгаренная, как кровью, сполохами своей войны, оторвалась от амбразуры и повернулась к вошедшим. Вместо лица они увидели отлитую из бронзы посмертную маску женщины. С плеч свисала длинная, до пола, серая мантия.

– Наша артиллерия только что начала массированный обстрел фронтовых городов группировки «Тракционштадтсгезельшафт», – объявила она. – Через некоторое время я вылетаю на передовую, чтобы лично командовать наступлением сухопутных войск.

– Я уверен, ваше присутствие на фронте обеспечит нам еще одну великую победу, Фанг, – прозвучал голос Попджой где-то на уровне лодыжек Шрайка.

Тот опустил взгляд и увидел его и доктора Зеро на полу коленопреклоненными, уткнувшись лбами в гладкую поверхность деревянного пола.

– Великую, но не окончательную. – Голос Сталкера Фанг походил на шелест обледевших стеблей камыша на зимнем ветру. – Нам нужны новые вооружения, Попджой, еще более мощные.

– Вы их получите, ваше превосходительство, – заверил тот. – Я неустанно работаю с полезными находками олд-тека. А пока прошу принять подарок от всего Сталкерского корпуса в знак безграничного почитания вашего превосходительства.

Миндалевидные глаза Сталкера Фанг засветились зеленым, поймав в фокус Шрайка.

– Вы Сталкер Шрайк, – определила Фанг, приблизившись к нему плавными движениями. – В моей памяти есть образцы вашей внешности. По имеющейся у меня информации, вы прекратили функционировать.

– Его жизнедеятельность полностью восстановлена, ваше превосходительство, – доложил Попджой.

Фанг остановилась в нескольких шагах от Шрайка и некоторое время молча изучала его.

– Что все это значит, Попджой? – наконец спросила она.

– С днем рождения, ваше превосходительство! – Попджой, кряхтя, поднялся с пола. – Маленький сюрприз в годовщину вашего славного воскрешения. Идея принадлежит доктору Зеро. Вы наверняка помните Энону, дочь старого аса воздухоплавания Хираку Зеро. Она настоящий маленький гений, уже сейчас является лучшим хирургом-механиком корпуса – не считая, конечно, вашего покорного слуги. Именно ее осенило откопать старика Шрайка, привести его в порядок и доставить вам в подарочной упаковке.

Сталкер Фанг молча разглядывала Шрайка. Доктора Зеро била дрожь, настолько сильная, что вибрация через пол передавалась Шрайку.

– Только не говорите мне, что совсем забыли, – снова зачирикал Попджой. – Сегодня исполнилось ровно семнадцать лет с того дня, как я вернул вас к жизни в мастерской Разбойничьего Насеста! Вы достигли семнадцатилетия, Фанг, прекрасный возраст!

Сталкер Фанг не отрывала от Шрайка ничего не выражающих зеленых глаз.

– Что мне с ним делать?

Доктор Зеро впервые осмелилась поднять на нее взгляд.

– Я подумала... Я д-думала... Он мог бы нах-ходиться при вас, ваше п-превосходительство, – заикаясь от страха, выговорила Энона. – Служить вам. Пока вы очищаете мир от скверны движущихся городов, мистер Шрайк будет ох-х-х-хранять вас.

– В-в-в-вот-вот, – передразнил ее Попджой, – ох-х-х-хранять вас. Телохранитель, не уступающий по мощи и остроте органов чувств даже вам...

– Сомневаюсь, что он так же силен, как я, – возразила Сталкер Фанг.

– И правильно сомневаетесь! – поспешил согласиться Попджой. – Милочка, разве вы не знаете, что ее превосходительство не нуждается в телохранителях! Что за чушь вы несете! – Он подобострастно улыбнулся неподвижной Сталкерше. – Я просто подумал, что с ним вам будет не так скучно.

Сталкер Фанг наклонила голову набок, по-прежнему оценивающе разглядывая Шрайка.

– Ну хорошо. Эта модель представляет интерес. Зачислите его в мой штаб.

В дальнем конце зала открылась дверь, адъютант в военной форме низко поклонился и объявил:

– Ваше превосходительство, воздушный корабль готов к отправке на фронт.

Не проронив больше ни слова, Сталкер Фанг повернулась спиной к присутствующим и вышла.

– Замечательно! – воскликнул Попджой, дождавшись, когда затихнут ее шаги. Он дотянулся до выключателя, зажег аргоновую лампу и похлопал по попке доктора Зеро, которая как раз поднималась с пола, чем вогнал ее в краску. – Поздравляю, милочка, мы сумели угодить Цветку Огня! Говорят, понять, о чем она думает, невозможно, но знайте, я могу вычислить и получить довольно точное представление о том, что происходит за этой маской. – Вытирая пот с лысины носовым платком, Попджой посмотрел на Шрайка. – А что думает о нашем доблестном вожде Шрайкуша?

– ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ ВЕЛИК, – ответил Сталкер.

Попджой согласно кивнул:

– Это точно. Мой шедевр. У нее внутри – потрясающая электроника. В Сталкерской части мозга есть чипы покруче твоих. Некоторые олд-тековские навороты настолько замороженные, что даже мне до конца непонятно, как они работают. Больше ничего подобного я создать не сумел. Но, может, одной такой достаточно, а, Шрайчонок?

Шрайк повернулся лицом к амбразуре и к разгорающемуся вдали сражению. Ночное небо то и дело озарялось ослепительными вспышками, будто невидимые руки одним взмахом расстилали на нем белые простыни. На их фоне роились точки воздушных кораблей. Хорошо, что ему предстоит служить у Сталкера Фанг, подумал Шрайк. Одно дело – подчиняться кому-то не менее сильному, чем он сам, и совсем другое – выполнять приказы слабых и мягкотелых однаждырожденных. Шрайк будет служить ей верой и правдой, и со временем эта преданность, возможно, заполнит гнетущую пустоту в его сознании, освободит от болезненного ощущения потери чего-то очень дорогого.

О, это лицо, рассеченное шрамом!

Оно возникает в памяти, трепетное и мимолетное, будто привлеченный светом мотылек, и тут же вновь исчезает во мраке.

Глава 7. Она уходит из дома³

Ночь. Из тумана над Мертвыми холмами поднимается луна, похожая на отстриженный ноготь. В доме на Сириус-Корт Рен лежит на кровати полностью одетая и прислушивается к монотонному звучанию голосов родителей за стенкой спальни. Через некоторое время голоса затихают. Уснули. Для верности она подождала еще немного. Иногда ей хочется кричать, наблюдая однообразие их жизни. Спать в такую ночь, при этой сказочной луне! Но сегодня так лучше. Она обулась в ботинки, тихонько вышла из комнаты, спустилась по лестнице, ощущая, как сумка с Жестяной Книгой Анкориджа оттягивает плечо.

Украсть ее оказалось настолько легко, что даже не было похоже на воровство. «Да и не воровство это вовсе, – уверяла Рен саму себя. – Мисс Фрейе Жестяная Книга не нужна, а всем остальным в Анкоридже наплевать, что она пропала. Так какое же это воровство!»

И все-таки жаль, что ей приходится покидать Анкоридж, совершив подобный поступок. Чувство вины не оставляло Рен все время, пока она прилаживала к хлебнице прощальную записку, которую сочиняла весь вечер, и когда крадучись вышла из дома на улицу, уводящую куда-то вдаль под серебристо-звездным небом.

* * *

Днем, расставшись с Гарглом, она сбежала вниз с холма и сразу направилась в Зимний дворец. Мисс Фрейя по-прежнему торчала в своем огороде, только теперь была занята бесконечным обсуждением с миссис Скабиоз подробностей постановки спектакля, который младшие школьники будут исполнять на празднике Луны. Рен пошла в библиотеку и достала с полки тот деревянный футляр, что мисс Фрейя показала ей утром. Вынула Жестяную Книгу, снова заперла ящичек и преспокойно водворила на место. Через открытое окно было слышно, как мисс Фрейя говорит:

– Прощу тебя, Виндолен, зови меня просто Фрейя. Мы с тобой так давно знаем друг друга...

Рен выскользнула из библиотеки, потом из дворца и поспешила домой, засунув Жестяную Книгу глубоко под куртку и борясь с угрызениями совести.

* * *

Луна застряла в шпильках Зимнего дворца, будто унесенное ветром перо. В окне комнаты Фрейи Расмуссен светилась лампа; Рен, пробегая мимо, мысленно попрощалась: «До свидания, мисс Фрейя!» И ей захотелось плакать.

Накануне дома было еще хуже. Весь вечер слезы выступали у нее на глазах всякий раз, когда она задумывалась о предстоящем расставании с папой, и даже стало казаться, что покинуть маму тоже будет нелегко. Рен успокаивала себя тем, что уходит не навсегда. В один прекрасный день на Анкоридж явится принцесса Пропавших Мальчишек и все вновь станут счастливы. Перед тем как отправиться в постель, к немалому удивлению отца, Рен нежно обняла его. Наверняка он решил, что дочь расстроена из-за недавней ссоры с матерью.

Спустившись в район машинных отсеков, Рен торопливо зашагала к краю города. Вскоре тень от верхнего яруса над головой осталась позади, и перед девочкой открылась широкая

³ «She's Leaving Home» – песня *The Beatles* с альбома «Sergeant Pepper's Lonely Hearts Club Band» (1967).

улица с двумя полуразрушенными складскими зданиями по бокам. В это мгновение у нее на пути возник Коул.

Рен обеими руками прижала к груди сумку и попыталась пронырнуть мимо, но мужчина сделал шаг в сторону и снова загородил дорогу. Его глаза зловеще мерцали на заросшем густыми волосами лице.

– Что вам от меня надо? – спросила Рен, стараясь, чтобы голос звучал не испуганно, а сердито.

– Не ходи туда, – промолвил Коул.

– С какой стати? Куда хочу, туда хожу. И вообще, о чем это вы?

– О Гаргле. Вчера ночью я видел с верхушки холма, как ты выходила из пиявки. Он просил тебя помочь ему? Ты согласилась?

Девочка молчала.

– Рен, Гарглу нельзя верить, – сказал Коул. – Он был совсем мальчишкой, когда мы работали вместе, но уже тогда отличался коварством. У него очень хорошо получается скрывать свои истинные намерения и использовать других людей в собственных интересах. О чем бы он ни просил тебя, не делай этого.

– И как же вы меня остановите? – с вызовом спросила Рен.

– Расскажу твоим родителям.

– Хорошо, расскажите, можете и мисс Фрейе рассказать, ей тоже будет интересно, – продолжала дерзить Рен. – Если раскачаетесь. Только вы не станете никому рассказывать, так ведь? Если бы вы хотели рассказать маме и папе, то давно бы сделали это, сразу после того, как я вышла из «Автолика». Однако вы своих не предаете.

– Что ты понимаешь в... – начал было Коул, но, пока подыскивал подходящие слова, Рен прошмыгнула мимо и что есть духу бросилась наутек, только металлическая лесенка в конце улицы загудела под ботинками и затихла, когда девочка спрыгнула с последней ступеньки на землю.

На бегу сумка била ее по спине, сердце колотилось, готовое выскочить из груди. Рен оглянулась, ожидая погони, но Коул все так же стоял на прежнем месте, не двигаясь, и смотрел ей вслед. Она махнула ему рукой, повернулась и побежала вверх по склону холма.

* * *

Эстер в ту ночь заснула быстро. Том тоже начал было дремать, но вдруг очнулся, потревоженный чем-то. Только гораздо позже он поймет, что его разбудил звук притворяемой входной двери.

Том лежал с открытыми глазами в темноте и прислушивался к биению собственного сердца. Временами оно как бы пропускало удар, иногда возникала боль, или даже не боль, но болезненное ощущение, будто что-то не так в груди, там, где много лет назад ее пронзила пуля Пеннирояла. Том всегда чувствовал себя хуже после физической нагрузки. Вот и теперь, не надо было утром колоть так много дров. Но кто-то же должен их наколоть, иначе ему пришлось бы объяснять Эстер насчет болей в груди и она бы, конечно, разволновалась и заставила его пойти на прием к Виндолен Скабиоз, городскому врачу, которая устроила бы целое обследование и, как опасался Том, докопалась бы до чего-нибудь серьезного. Слава богам, хорошо прожиты все эти годы с Эстер и Рен, а дальше будь что будет.

Однако его будущее уже мчалось к нему бегом вдоль проспекта Расмуссен, через Заполярную аркаду, по Сириус-Корт; влетело через калитку во двор, перепрыгнуло через ступеньки крыльца и стало колотить кулаком в дверь.

– Квирк всемогущий! – Том испуганно сел в постели.

Эстер рядом застонала и перевернулась на другой бок, не в силах до конца очнуться от сна. Он откинул одеяло и в ночной рубашке бросился вниз в прихожую. За стеклянными филенками входной двери смутно маячила чья-то расплывчатая фигура, похожая на привидение, и барабанила по деревянной раме, во весь голос выкрикивая имя хозяина дома.

– Коул, ты? Открыто! – Том распахнул дверь.

Коул не впервые поднимал его с постели, принося плохие вести. Однажды, когда Анкоридж был еще ледоходным городом, Эстер в одиночку улетела на «Дженни Ганивер», и Коул буквально материализовался из ночи, чтобы сообщить об этом Тому. Тогда он был совсем мальчишкой. А теперь, заросший длинными волосами и бородой, с дико вытаращенными глазами, был похож на полоумного пророка. Коул ворвался в прихожую, опрокинув вешалку для головных уборов и рассыпав по полу древние футляры для мобильных телефонов, которые коллекционировал Том.

– Да тише ты! – попытался он призвать к порядку нежданного гостя. – Какая муха тебя укусила!

– Рен, – невпопад выдохнул бывший Пропавший Мальчишка. – Рен, там...

– Рен спит у себя в комнате, – начал Том, но тут же с тревогой вспомнил, как странно дочь обняла его, прощаясь на ночь, и пораненную щеку, которую, по ее словам, оцарапала, когда забрела в колючие кусты. Вспомнил возникшее у него смутное ощущение какой-то двусмысленности в поведении дочери. – Рен! – позвал он, задрал голову.

– Ее там нет! – выкрикнул Коул. – Она ушла!

– Как ушла? Куда?

Эстер, спустившаяся уже до середины лестницы, на ходу натягивая рубашку, побежала обратно и ногой распахнула настежь дверь спальни Рен.

– Боги и богини! – услышал Том возглас жены, а потом она выскочила на лестничную площадку. – Том, ее нет! И сумки нет, и пальто!

– Может, она полуночничает где-нибудь вместе с Тилди Смью? – неуверенно предположил Том. – Здесь же Винляндия, в конце концов. Что с ней приключится?

– Пропавшие Мальчишки, вот что! – бросил Коул.

Он мерил шагами прихожую, глубоко сунув руки в карманы старого, засаленного пальто. Помещение наполнилось запахом его неухоженного тела.

– Помнишь Гаргла? Прислал мне записку! Пишет, помоги кое-что стибрить. Что – не знаю. Похоже, Рен следила за мной и попала к ним в лапы, а теперь они ее используют. У них сейчас встреча.

Эстер прошла на кухню и вернулась с клочком бумаги:

– Том, взгляни-ка...

В руке она держала записку от дочери.

Мои самые любимые папа и мама!

Я решила уехать из Винляндии. Здесь объявились Пропавшие Мальчишки.

Но не волнуйтесь, они хорошие. Они возьмут меня с собой. Я увижу плавучие города, Охотничьи земли и весь-весь огромный мир, и со мной случится много приключений, не хуже ваших. Простите, что не сказала вам «до свидания», но иначе вы бы меня не отпустили. Не беспокойтесь за меня, я скоро вернусь и расскажу много интересного.

Я люблю вас. Ваша Рен.

Эстер опустила на колени и принялась отдираť с пола прихожей ковровое покрытие. Под ним был вмонтирован сейф, в котором предыдущий владелец дома, торговец, хранил свои ценности. Сейчас в нем находились лишь несколько картонных коробок с патронами и револьвер. Эстер выхватила оружие, сдернув с него промасленную тряпку.

– Где они, Коул? – спросила она.

– Эт!.. – попытался остановить ее Том.

– Мне следовало сказать вам раньше, – пробормотал Коул, – но ведь это Гаргл. Гаргл!

Он спас мне жизнь когда-то...

– Где они?!

– В бухте на северном берегу. В том месте, где опушка леса ближе всего к воде. Только прошу, никто не должен пострадать!

– Раньше надо было думать! – отрезала Эстер, проверяя действие спускового механизма.

Все оружие, какое перепало ей в свое время от охотников Архангельска, она выбросила в море с борта Анкориджа, еще когда тот дрейфовал на льдине. Но этот револьвер сохранила – так, на всякий случай. Он, конечно, не такой красивый, как другие: нет ни оскаленной волчьей пасти на рукоятке, ни серебряного орнамента на стволе. Обычный увесистый черный «шаден-фройде»⁴ тридцать восьмого калибра – уродливый, но надежный инструмент убийства. Эстер полностью снарядила магазин шестью патронами, щелчком поставила его на место и засунула револьвер за пояс. Потом протиснулась мимо Тома к двери, на ходу сорвав с вешалки пальто.

– Разбуди людей, – бросила она ему через плечо и скрылась в ночной тьме.

* * *

С самой высокой точки острова Рен могла видеть «Автолик», похожий на расположившегося на мелководе краба с подогнутыми ножками, в той же бухте, где впервые увидела Гаргла. На поверхности воды мерцали отблески голубоватого света из открытого люка пиявки. Рен начала торопливо спускаться вниз по еле заметной тропинке, протоптанной оленьими копытами, между деревьями и колючими кустами утесника по направлению к силуэту, напоминающему одновременно краба и паука, оступаясь на податливой земле, спотыкаясь о торчащие корни деревьев, глотая ночной, холодящий горло воздух.

Гаргл стоял в сапогах по щиколотку в воде возле края сходни, спущенной из открытого люка. Ремора была рядом, а когда Рен подошла поближе, по сходне спустился Селедка и присоединился к ним.

– Готов отчалить? – спросил его Гаргл.

– Одним нажатием кнопки, – ответил мальчик.

Двигатели пиявки работали на холостом ходу, из снабженных герметическими клапанами выхлопных отверстий в кормовой части поднимался прозрачный дымок. Краб-кам блеснул полированной спиной, забрался на корпус пиявки, перебирая лапками по одной из ее ходул, и устроился в предназначенном для него гнезде. Другие запоздавшие краб-камы быстро сползались по берегу, настолько похожие на больших пауков, что Рен от страха захотелось убежать. Но она усилием воли заставила себя шагать среди них по гальке, рассудив, что, если уж решила путешествовать с Пропащими Мальчишками, придется привыкать к присутствию этой мерзости.

– Это я, – негромко сказала Рен, когда Гаргл всем телом повернулся на шорох ее шагов. – Я принесла Жестяную Книгу.

* * *

Анкоридж-Винляндский просыпался, возмущенный и встревоженный. Пока Эстер взбиралась по тропе вдоль поросшего лесом склона, за спиной слышалось хлопанье дверей в домах

⁴ Schadenfreude (нем.) – злорадство.

города, возгласы людей, собирающихся вместе, чтобы дать дружный отпор Пропащим Мальчишкам. Мужчины помоложе почти догнали ее у самой верхушки горы, но на спуске снова отстали, продолжая двигаться по петляющей тропинке, тогда как Эстер бросилась напрямик, ломая кусты и скользя на каменистых осыпях, с грохотом увлекая за собой скачущие обломки скальной породы. Ее охватил азарт и счастливое сознание того, что наконец-то по-настоящему нужна дочери. Спасти ее от Пропащих Мальчишек не под силу ни Тому, ни кому-либо другому в Анкоридже. Только Эстер способна разобраться с этими мерзавцами, и, когда она всех их уничтожит, Рен опомнится и поймет, какой опасности подвергалась, проникнется благодарностью к матери и в их отношениях вновь воцарится мир и взаимопонимание.

Удержав равновесие, Эстер приземлилась в зарослях вереска у подножия горы и обернулась. Никого. Не теряя времени, достала из-под ремня револьвер и побежала к бухте.

* * *

– Вот, – сказала Рен, снимая с плеча тяжелую сумку и протягивая Гарглу. – Она там. И мои вещи тоже.

– Скажи ей сразу, Гаргл, – вешалась Ремора. – Пора отчаливать.

Гаргл, не обращая ни на кого внимания, вынул из сумки Жестяную Книгу и начал разглядывать, переворачивая листы.

– Я еду с вами, не забыли, надеюсь? – напомнила Рен, обеспокоенная неожиданно прохладным приемом. – Я еду с вами! Таков уговор.

В ее голосе слышались слезы детской обиды, и Рен расстроилась еще больше оттого, что совсем не кажется взрослой, отважной и лихой, какой хотелось выглядеть в глазах Гаргла. Ей вдруг стало ясно, что она для него ничего не значила – ничего, кроме способа заполучить Жестяную Книгу.

– Порядок, – удовлетворенно сказал сам себе Гаргл.

Потом бросил сумку обратно Рен, передал Жестяную Книгу Селедке, который тут же запихнул ее в кожаный портфель, висевший на лямке у него на плече.

– Я еду с вами, – упрямо повторила Рен. – Ну скажи, что я еду с вами!

Гаргл подошел к ней вплотную. Потом заговорил, и в его голосе звучали издевательские нотки.

– Значит, так, Рен, я тут еще разок обо всем поразмыслил, и выходит, что, вообще-то, ты у нас не поместишься.

Рен быстро заморгала, пытаясь остановить выступившие на глазах горькие слезы, потом швырнула свою сумку на гальку и закричала:

– Ты обещал взять меня с собой!

Краем глаза она заметила, как неотрывно наблюдающая за ней Ремора шепнула что-то маленькому Селедке и на лице у того появилась презрительная ухмылка. Какой же душой они ее считали!

– Я хочу все увидеть! – уже не могла остановиться Рен. – Хочу что-нибудь совершить! Я не хочу оставаться здесь, не хочу быть женой Нэта Заструджи, не хочу учить детей, не хочу состариться и умереть!

Гаргла, похоже, напугал поднятый девочкой шум.

– Рен! – просипел он, и в тот же миг, словно яростное эхо, из темноты прозвучал другой голос:

– Рен!

– Мама! – охнула девочка.

– Черт! – выругалась Ремора.

Гаргл ничего не сказал, а выхватил из-за пояса пистолет и, недолго думая, выстрелил вдоль берега. В свете голубой вспышки Рен увидела мать, широко шагающую по гальке с револьвером в напряженно вытянутой перед собой руке. Она лишь чуть уклонилась от просвистевшей мимо пули. «Бж!» – выстрелил ее револьвер. «Бж, бж, бж!» – сухо лопалось в воздухе, будто кто-то с размаху захлопывает книжку. Первая пуля с лязгом отрикошетила от корпуса «Автолика», еще две просвистели за озеро, четвертая шмякнула Гаргла точно между глаз. Что-то густое и теплое обрызгало лицо и одежду Рен.

– Гаргл! – взвизгнул Селедка.

Гаргл медленно опустился на колени, затем наклонился вперед и уткнулся лицом в набегающие на берег с ласковым журчанием маленькие волны.

Селедка, поднимая брызги, побежал к нему, загородив сектор стрельбы Реморе, которая тоже вытащила свой пистолет.

– Селедка, на борт! – скомандовала она. – Возвращайся в Гримсби!

Сразу две пули из револьвера Эстер опрокинули ее назад, в озеро.

– Гаргл! – хныкал Селедка.

Эстер перезаряжала револьвер, пустые гильзы со звоном падали на гальку возле ее ног.

– Рен, сюда! – крикнула она.

Дрожа от нервного потрясения, девочка с готовностью сделала нетвердый шаг в сторону матери, как вдруг Селедка обхватил ее одной рукой за талию сзади и прижал к себе. В другой руке он держал пистолет Гаргла, уперев ствол в подбородок Рен.

– Брось револьвер! – выкрикнул Селедка. – Или я... Или я убью ее! Убью ее!

– Мамочка! – пискнула Рен. Ей было трудно дышать. Больше всего на свете она сейчас хотела оказаться дома, в безопасности, а случившихся с ней приключений, казалось, хватит теперь до конца жизни. – Мамочка, помоги!

Эстер медленно двинулась вперед, держа Селедку на мушке. Но все понимали – она не нажмет на спусковой крючок, слишком велика опасность попасть в Рен.

– Отпусти ее! – приказала она Селедке.

– Да, чтобы ты меня пристрелила! – всхлипывал мальчишка.

Поворачивая Рен так, чтобы она все время находилась между ним и Эстер, он потащил ее за собой вверх по сходне. Ствол пистолета по-прежнему с силой упирался ей в подбородок, отчего голова у нее запрокинулась. Рен чувствовала, как мальчика бьет дрожь, и могла бы запросто справиться с ним, если бы не боязнь, что он выстрелит. Селедка втащил ее через люк внутрь и локтем нажал кнопку механизма, убирающего сходню. Эстер выстрелила, стараясь попасть по гидравлическим шлангам, и промахнулась; пуля лязгнула по металлу и рикошетом полетела через озеро.

– Мамочка! – опять выкрикнула Рен, и последнее, что увидела через щель закрывающегося люка, – свою мать, кричащую ей вслед.

Селедка протолкнул пленницу сквозь дверной проем в рулевую рубку, напичканную электроникой, и одной рукой начал манипулировать приборами управления, а другой продолжал держать пистолет на уровне ее головы. Рен почувствовала, как пиявка зашевелилась.

– Пожалуйста, – взмолилась она. Пол накренился. Рен увидела огоньки на склоне холма. – Помогите! – вырвалось у нее.

В иллюминаторы уже бились волны, на мгновение мелькнула луна, дрожащая и призрачная в омытом водой стекле. Затем все исчезло, по-другому загудели двигатели, и Рен подумала: «Мы погрузились под воду! Теперь я никогда не попаду домой!» Что-то повернулось у нее в желудке, и девочка потеряла сознание.

* * *

Эстер бежала вдоль берега, стреляя из револьвера по пиявке, пока ее покатая спина не исчезла в белой пене. Не оставалось ничего, как снова и снова бесцельно выкрикивать имя дочери охрипшим голосом над пустынным озером, с поверхности которого уже пропали последние пузыри и волны, поднятые погружением «Автолика».

В наступившей тишине постепенно стали нарастать другие звуки: лай собак, крики людей. Склон холма испещрили огоньки фонарей и факелов. Мистер Сью, запыхавшись, выскочил из кустов утесника, потрясая над головой древней охотничьей винтовкой, раза в два выше его самого, и закричал:

– Где эти подводные демоны? Сейчас я им покажу!

На берегу собиралось все больше народу. Эстер шла сквозь толпу, только пожимая плечами в ответ на вопросы и сочувственные жесты.

– Миссис Нэтсуорти, вы не ранены?

– Мы слышали выстрелы!

– А где Пропашие Мальчишки?

На мелководье два мертвых тела с тихим плеском покачивались на легких волнах, а в озеро тянулись две длинные красные полосы. Коул опустил на колено возле одного из них и произнес с грустью и недоумением:

– Гаргл!

В воздухе витали едкие запахи порохового дыма и выхлопных газов.

Подбежал Том, крутя во все стороны головой и видя лишь брошенную на гальке сумку, с которой его дочь ушла из дома.

– Где Рен? – спросил он жену. – Что здесь произошло?

Эстер, не говоря ни слова, отвернулась. Наконец к нему подошла Фрейя Расмуссен, взяла за руки и сказала:

– О Том, им удалось уйти от погони, и, боюсь, они увезли Рен с собой.

Глава 8. В плену

– Папа, у мамы странное лицо.

– Я знаю, дочка.

– А почему у мамы такое лицо?

– Потому что ее поранил плохой дядя, когда она была совсем маленькой.

– Ей было больно?

– Конечно. Рана болела очень сильно и долго, но теперь все прошло.

– А плохой дядя придет?

– Нет, Рен, не придет. Он давным-давно умер. В нашем городе, Анкоридже-Винляндском, нет плохих дядей, потому мы здесь и живем. Здесь мы в безопасности, потому что никто не знает про нас и никто нас не обидит, ни один голодный город не доберется сюда и не проглотит нас. Мы всегда будем жить вместе, потому что вместе нам хорошо и спокойно – маме, папе и Рен.

Голоса детства звучали в голове, пока Рен медленно приходила в сознание. Она лежала на полу крошечной каюты, в которой ничего не было, кроме металлического умывальника и металлического унитаза. От унитаза сильно пахло какой-то дезинфицирующей химией. На потолке тускло горела синяя лампочка в металлической сетке. Стены и пол чуть вибрировали. Работающие двигатели «Автолика» наполняли комнату глухим стуком и шипением, время от времени слышалось поскрипывание и кряхтенье из-за, как догадалась Рен, давления воды на обшивку.

«Ну и ну, плохие дяди все-таки заявили в Анкоридж-Винляндский, – думала она, – заполучили что хотели и улизнули, а я им помогла. Вопрос только в том, что они теперь со мной сделают».

Папа в свое время тоже попадался в лапы Пропавших Мальчишек, но все закончилось благополучно, он вернулся в Анкоридж и женился на маме. Значит, для Рен тоже не все потеряно, не так ли? Но, подумав о папе, потом о маме, она вспомнила, что сделала ее мать, и от этого воспоминания стало жутко и тошно. В голове то и дело звучал глухой шлепок, с каким пуля ударила в лоб Гаргла.

Рен понятия не имела, сколько времени безвольно провалялась на полу, дрожа и хныча от ужаса и безысходности. Наконец боль в теле от лежания на твердом полу стала настолько ощутимой, что девочка заставила себя подняться. «Возьми себя в руки, Рен!» – сердито приказала самой себе.

Вся одежда спереди покрылась сухой коричневой коркой, похожей на пролитый гуляш. Рен открыла кран умывальника и с помощью тонкой струйки воды попыталась очистить одежду; потом, как сумела, вымыла лицо и волосы.

Прошло еще довольно много времени, прежде чем в замочной скважине заскрежетал ключ и дверь отворилась. Вошел Селедка и посмотрел на нее. Он по-прежнему держал в руке пистолет. В голубом свете лампочки его лицо казалось бледным и суровым, словно вырезанным из кости.

– Я не виновата, – первой заговорила Рен.

– Заткнись, – оборвал ее Селедка. Голос у него тоже звучал сурово. – Убить тебя мало.

– Меня? – Рен забилась в угол комнаты. – За что? Я ничего не сделала! Я принесла вам Жестяную Книгу, как просил Гаргл...

– И твоя чертова мамаша прикончила его! – выкрикнул Селедка.

Всхлипывая, он поднял пистолет дрожащей рукой. Рен решила, что сейчас последует выстрел, но ничего не произошло. Девочка и боялась этого малыша, и сердилась на него, и в то же время чувствовала, что должна позаботиться о нем.

– Мне очень жаль, что Гаргл погиб, – искренне сказала она. – И Ремора тоже...
Селедка опять громко всхлипнул.

– Мора была подругой Гаргла, – пояснил он. – Все знали, что у них любовь. Он вообще не собирался брать тебя с собой. Я слышал, как они разговаривали о тебе, о том, какая ты дура! – Мальчик снова заплакал. – Что теперь делать без Гаргла? Ему-то хорошо, они с Морой сейчас вместе в Стране без солнца! А как быть всем Пропашим Мальчишкам? Как быть мне?

Он смотрел на Рен, и в мертвенно-голубом свете его глаза казались совершенно черными – две безжизненные черные дыры в бесплотном белом пространстве.

– Шлепнуть бы тебя, чтоб твоя мамочка знала, каково это, когда любишь кого-то, а его убивают. Да только если я так поступлю, то стану таким же отморозком, как и твоя мамаша! – Селедка вышел в коридор, захлопнул дверь и повернул ключ в замке.

* * *

– Я отправляюсь на поиски Рен! – сказал Том.

Из деликатности никто не возразил, хотя все подумали, что отправляться на поиски Рен нет никакой возможности, но нельзя же говорить это вслух! Понятно, заявление Тома вызвано только что пережитым потрясением. А случившееся действительно потрясло его, он просто онемел от горя, узнав, что Рен похитили. Потом принялся бегать взад-вперед по берегу озера, выкрикивая имя дочери навстречу набегающим волнам, будто Пропашие Мальчишки могли услышать и передумать, пока не почувствовал, как сердце сжалось от такой боли, что уже приготовился умереть тут же, на гальке, так и не повидав Рен.

Но Том не умер. Заботливые руки помогли ему добраться до лодки, которая отвезла его обратно в Анкоридж, и вот теперь он совещался вместе с Эстер, Фрейей и десятком других винляндцев в одной из комнат Зимнего дворца.

– Понимаете, это я во всем виноват, – с горечью доказывал он. – Утром Рен вдруг начала расспрашивать меня о Пропаших Мальчишках. Я должен был сообразить, что это неспроста.

– Ни в чем ты не виноват, Том, – успокаивал его Смыю, сердито поглядывая на Эстер. Та с хмурым видом сидела рядом с мужем. – Если бы кое-кто не помчался сломя голову поперед всех нас и не открыл пальбу...

Некоторые из присутствующих согласно закивали. Все уважали Эстер за спасение жителей Анкориджа от архангельских охотников, но никто не любил. Все помнили, с какой жестокостью она расправилась с Петром Масгардом, когда вообще не было необходимости его убивать, но Эстер все кромсала и кромсала ножом его уже мертвое тело. Неудивительно, что боги ниспослали беду женщине, способной на подобные кровавые деяния. Странно только, что они ждали целых шестнадцать лет и что жертвами божеской кары стали также ее добропорядочный муж и хорошенькая дочка.

Эстер догадывалась, о чем думали винляндцы.

– Я стреляла в целях самообороны, – возразила она. – И защищала всех вас. У нас с Фрейей давнишняя договоренность, что мне надлежит приглядывать за этой рухлядью и охранять ее от напастей, и я просто занималась своим делом. А если хотите свалить вину на кого-то, то вините вот его.

Она показала на Коула, который, сгорбившись, сидел в дальнем углу. Но, похоже, никто не осуждал Коула за его поведение. Бывшие друзья просили его о помощи и получили отказ. Но не мог же он пойти на предательство! Своих не предают.

– А что понадобилось здесь Пропашим Мальчишкам? – задал вопрос мистер Аакиук.

– И Пропашим Девчонкам, – добавил Смыю, по-прежнему негодуя глядя на Эстер. – Одна из застреленных ею была совсем девочкой.

– Но что же все-таки заставило их вернуться на Анкоридж после стольких лет?

Все вопросительно посмотрели на Коула. Он пожал плечами:

– Гаргл не сказал, а я не спрашивал. Думал, чем меньше знаю, тем спокойнее.

– О боги и богини! – неожиданно воскликнула Фрейя и бросилась вон из комнаты.

Через некоторое время она вернулась с пустым футляром, в котором раньше хранилась Жестяная Книга Анкориджа.

– Рен расспрашивала меня об этой книге. Именно за ней охотились Пропавшие Мальчишки.

– Но почему? – удивился Том. – Она ведь не представляет никакой ценности, правда же?

Фрейя пожалала плечами:

– Я тоже так думала. Тем не менее книга исчезла. Наверное, они попросили Рен взять ее для них и...

– Маленькая, бестолковая... – начала было Эстер, но Том резким окликом остановил ее:

– Не надо, Эт!

Ему вспомнилось, когда Рен была малышкой и боялась грозы или просыпалась от страшного сна, он прижимал ее тельце к себе и держал так, пока дочка не успокаивалась. Для него казалась невыносимой сама мысль о том, что сейчас ее держат пленницей на борту этой жуткой пиявки, испуганную, одинокую, и некому ободрить его бедную девочку.

– Я отправляюсь на ее поиски, – снова объявил он решительно.

– Тогда я с тобой! – Эстер взяла его за руку.

Судьба уже разлучала их однажды, когда грозовики с Разбойничьего Насеста захватили Эстер в плен, и с тех пор они поклялись никогда не расставаться.

– Мы отправляемся вместе! – так же решительно повторила за Томом Эстер.

– Но на чем вы поедете? – спросила Фрейя.

– Я знаю на чем.

С места поднялся Коул, обошел вокруг комнаты, держась спиной к стене, глаза блеснули в свете лампы.

– Виноват во всем я, – твердо сказал он. – Думал, сами уберутся, если не стану помогать им. Я и предположить не мог, что они втянут в это Рен. Просто из головы вылетело, каким изворотливым может быть... был Гаргл. – Коул приложил руку к горлу, на котором отчетливо краснели шрамы, оставленные веревкой Дядюшки. – Я помню день рождения Рен. Играл с ней, когда она была совсем малышкой. И я помогу вам. Сможете без труда добраться до самого Гримсби на «Винтовом черве».

– Что, на этой ржавой развалине? – сердито возразила Эстер, посчитав слова Коула за насмешку.

– Я все эти годы полагал, что «Винтовой червь» безнадежно вышел из строя, – добавил Том. – С того самого лета, когда ты и мистер Скабиоз с помощью пиявки углубили устье гавани.

– Я отремонтировал ее, – сказал Коул. – А чем, вы думали, я занимался все это время в машинных отсеках? В носу ковырял? Ремонтировал «Винтового червя»? Впрочем, ладно, занимался и тем и другим. Конечно, она не в лучшей форме, но вполне мореходна. Да, горючее, правда, на нуле...

– Кажется, в цистернах воздушной гавани осталось немного, – вставил мистер Аакиук. – И есть возможность подзарядить аккумуляторы на гидроэлектростанции.

– Через несколько дней можно закончить все подготовительные работы, – прикинул Коул. – Максимум через неделю.

– За это время они увезут Рен на многие километры отсюда! – воскликнула Эстер.

– Не важно, – твердо сказал Том.

Обычно твердость проявляла Эстер, а Том только подчинялся, однако на этот раз решение принимал он. Для него было очевидно, что необходимо вернуть дочь. Без Рен и жить незачем. Том взял Эстер за руку в полной уверенности, что и она чувствовала то же самое.

– Мы найдем ее, – пообещал он жене. – Нам в жизни встречались типы и похуже Пропавших Мальчишек. Найдем ее, даже если придется доплыть до самого Гримсби.

Глава 9. Послание

Автолик» следовал общим курсом на юго-восток по разветвленной речной системе Мертвого континента. Селедка хорошо знал дорогу, поскольку собственноручно помогал Гарглу наносить на карту судоходные фарватеры на пути в Анкоридж. И теперь для него не представляло большого труда вновь двигаться по маршруту, по которому «Автолик» добирался через Мертвые холмы до Винляндии. Мешали только грустные воспоминания, не дававшие мальчику покоя: «Когда плыли в ту сторону по этому озеру, Гаргл сидел со мной в рубке» или «А вот и песчаная отмель; Мора еще отпустила тогда шуточку по поводу...».

Он не должен оставлять их убийство безнаказанным. Но что может сделать маленький мальчик? Гаргл значил для него очень много, но вот его не стало, и никакими слезами тут не поможешь. Надо действовать! Но как?

Прежде всегда находился кто-нибудь, кто говорил, как ему поступать. Селедка никогда еще не строил собственных планов, не принял ни единого самостоятельного решения, за исключением того панического отступления в Винляндии, когда он совершенно бездумно схватил пистолет Гаргла и наставил его на Рен, чтобы не позволить ее сумасшедшей матери застрелить его. В результате все вышло наперекосяк, ведь он вовсе не собирался тащить с собой эту девчонку и понятия не имел, что теперь с ней делать.

На третью ночь после перестрелки в Винляндии Селедка заглушил двигатели «Автолика» и вылез на крышу пиявки. Безжизненные холмы Америки угрюмо подпирали пронзительно голубое небо. В полной уверенности, что Госпожа Смерть и боги войны и возмездия не сводят глаз с этого проклятого края и все слышат, Селедка закричал во всю мочь:

– Я отомщу за тебя, Гаргл! Я отомщу за тебя, Мора! Я разыщу Эстер Нэтсуорти и тогда, клянусь вам, убью ее!

На следующий день пиявка достигла морского побережья, переползла через полосу безрадостных солончаков и с облегчением нырнула в серое море. Очутившись на глубине, в безопасности, Селедка проложил по карте курс к родному причалу и пошел в кормовой отсек проведать пленницу. Рен лежала, поджав коленки, на полу туалета и, очевидно, спала. Глядя на беззащитное во сне лицо девочки, Селедка пожалел, что похитил ее, ведь она не виновата в случившемся. Но теперь уже слишком поздно менять что-либо. Он потыкал ее носком ботинка.

– Мы в открытом море, – сказал Селедка, когда Рен очнулась. – Тебе больше не обязательно торчать здесь. Над нами пятьдесят саженей ледяной воды, так что даже не думай попытаться удрать.

– В открытом море? – переспросила Рен.

Море, как ей было известно, находилось очень далеко от Анкориджа. Девочка прикусила губу, чтобы не расплакаться.

– Поедешь со мной в Гримсби, – продолжал Селедка. – Дядюшка или кто-то из старших ребят решат, что с тобой делать. Можешь привести себя в порядок, если есть желание. У Реморы в шкафчике имеется кое-какая одежда.

– Спасибо, – шепотом поблагодарила Рен.

– Дура, я не ради тебя это делаю, – нарочито грубо оборвал ее Селедка, чтобы у этой девчонки не возникли иллюзии по поводу его мягкотелости, – а потому, что от тебя смердит, понятно? Я не собираюсь дышать твоей вонью до самого Гримсби.

Рен вышла в коридор. Четыре дня она не видела ничего, кроме тесного туалета, и теперь даже узкие коридоры «Автолика» казались просторными. Шкафчик Реморы украшали вырезки из журналов, добытых в ходе воровских вылазок, – фотографии модных причесок и одежды. Рен увидела также снимки стоящих в обнимку Реморы и Гаргла; оба смеялись. В шкафчике лежали пакетик с косметикой, плюшевый мишка и книжка – толкователь снов. Рен

переделась, подошла к зеркалу над раковиной, которое на самом деле было не зеркало, а отполированный лист металла, привинченный к переборке, и посмотрела на свое отражение. Она показалась себе повзрослевшей и похудевшей, особенно в мешковатой, неброского цвета одежде Реморы. «Рен – Пропадающая Девчонка». А когда сунула свою грязную одежду в мешок, используемый экипажем пиявки для упаковки награбленного, и крепко завязала, то, кроме старых ботинок, на ней не осталось ничего, что напоминало бы об Анкоридже.

Рен сидела в трюме и прислушивалась к возне Селедки на мостике. В желудке урчало от голода, но Пропадающий Мальчишка не предлагал ей никакой еды, а сама она попросить боялась. Ей было неловко осознавать, что ее держит в плену ребенок гораздо младше, чем она, и в то же время страшно – а вдруг ненависть толкнет Селедку на какой-нибудь безрассудный поступок, включая применение оружия, и этот страх удерживал ее от любых шагов, которые могли бы еще больше разозлить его. Лучше оставаться незаметной. Она попила гадкой на вкус воды из-под крана и стала думать о побеге. В голове у нее рождались планы один дерзновеннее другого, но спустя несколько минут каждый лопался, как мыльный пузырь. Даже если ей удастся справиться со своим малолетним похитителем, у нее ни за что не получится управлять пиявкой и вернуться на ней в Винляндию. Положение было безвыходным, и виновата в этом только она одна. Теперь-то ей стало понятно, как глупо и безрассудно она вела себя, и оттого мучительно стыдно, поскольку всегда считала себя очень умной девочкой. Разве не говорила мисс Фрейя, что у Рен самая светлая голова среди всей молодежи Винляндии?

– Так вот, Рен, – сказала она наставительным тоном, обхватив себя для пущего спокойствия руками, – если хочешь выжить и найти способ вернуться к маме и папе, то пора начинать работать своей светлой головой.

* * *

«Автолик» удалился уже на сотню миль от берега, когда Селедка принял странный радиосигнал. Поначалу он решил, что это сообщение с другой пиявки, хотя, насколько ему известно, в этой части океана не обреталась ни одна из них. Но самым странным было то, что сигнал передавался на частоте, используемой пиявками для связи между собой, и одновременно на волне, отведенной для получения изображений с дистанционно управляемых краб-камов.

Селедка щелкнул несколькими выключателями, и над его рабочим местом засветились мониторы кругового обзора.

Рен в это время сидела на полу трюма, обняв прижатые к груди колени. Услышав голоса, она подкралась к двери рулевой рубки и заглянула внутрь. Селедка сидел, глядя как завороченный на экраны. Все шесть мониторов показывали одну и ту же картинку: плавающий город, вид сверху, посреди спокойного океана. Трудно было судить о его размерах на нечетком, с помехами изображении, но все равно выглядел он привлекательно: белые, украшенные богатым орнаментом купола и сферические крыши зданий, а также множество длинных узких вымпелов, развевающихся на ветру.

– Что это? – спросила Рен.

Селедка быстро обернулся, словно не ожидал ее появления здесь, но больше ничем не выразил удивления. Потом снова уставился на экраны.

– Не знаю, – ответил он. – Никогда раньше не видел. Повторяют одно и то же. Смотри.

Картинка изменилась. Мужчина и женщина, очевидно супружеская пара, с добрыми улыбками на лицах сидели рядом на диване. Казалось, их взгляды направлены прямо в глаза Селедки и Рен, и, хотя они были совсем чужие, одеты в мантии и тюрбаны богатых горожан, что-то в их внешности и манере поведения напомнило девочке о собственных родителях и о том, как им, наверное, не хватает ее сейчас.

«Приветствуем вас, дети морских глубин, – мягко начал мужчина. – Мы говорим с вами от имени организации ВОРДЕТ – Всемирного объединения родителей, чьи дети похищены с плавучих городов. В течение полувека маленькие мальчики – а в последнее время и девочки – бесследно исчезают с городов, курсирующих по Атлантическому океану и Ледяной пустоши. И только недавно, благодаря известному естествоиспытателю Нимроду Пеннироялу, мы узнали об угрозе, исходящей от пиратов-паразитов, которые прячутся на своей подводной базе, проникают на города и грабят их, насильно увозят в свое логово детей, чтобы растить из них новых воров и грабителей».

– Опять этот Пеннироял! – сердито сказала Рен.

– Чш-ш! – шикнул на нее Селедка. – Дай послушать!

Теперь говорила женщина. Она придвинулась ближе к зрителям, по-прежнему улыбаясь, но по щекам у нее текли слезы.

«Добрые граждане плавучего курорта Брайтона предоставили нам возможность посетить северные воды, где вы теперь обитаете не по своей воле. Настройте свои радиоприемники на волну 680 килоциклов, и вы услышите сигнал радиомаяка Брайтона. Мы понимаем, что вы, скорее всего, совсем не помните ваших мам и пап, которых лишили их деток, когда те были совсем крошками, и тем самым обрекли на безутешное горе. Но если вы приедете сюда, в Брайтон, на своих подводных аппаратах, то, мы уверены, узнаете своих родителей, а они узнают вас. Мы не желаем вам никакого вреда, не хотим разлучать с новыми друзьями или отрывать от нынешней, полной приключений жизни под волнами океана. Мы только мечтаем повидать наших любимых, разлученных с нами мальчиков...»

В этом месте голос женщины задрожал на высокой ноте и сорвался. Она закрыла лицо платком, а муж обнял ее за плечи, чтобы успокоить, и продолжал вместо нее:

«В рядах ВОРДЕТ насчитывается много членов. – Картинка на экране снова изменилась, показывая многочисленную группу людей, собравшихся на смотровой площадке города. – Каждый из нас лишился ребенка, и все мы мечтаем снова увидеть наших мальчиков и, конечно, девочек, узнать хоть что-то об их судьбе. Умоляем вас, дети морских глубин, если вы слышите это послание, придите к нам!»

На протяжении некоторой паузы слышалась нежная, грустная мелодия, и все члены ВОРДЕТ улыбались в камеру и махали руками, а морской ветерок поигрывал лапами их пальто и мантий, дергал за шляпы. Затем на экране возникли печатные буквы: «ВОРДЕТ – летняя экспедиция (при содействии мэра и муниципалитета Брайтона)». Музыка стихла, потом изображение на секунду исчезло, и программа возобновилась с самого начала: «Приветствуем вас, дети морских глубин...»

– Видела? – радостно воскликнул Селедка, поворачиваясь к Рен.

Он и думать забыл, что разговаривает с пленницей, так хотелось разделить с кем-нибудь свой восторг по поводу необыкновенного послания. Глаза сияли, лицо светилось детским счастьем, и Рен впервые увидела, какой он на самом деле маленький мальчик, совсем ребенок, который соскучился по домашнему теплу, нуждался в любви и заботе.

– Слушай, а чего делать-то? – взволнованно спросил он Рен. – Я уже настроился на волну брайтонского маяка. Они совсем близко, пятьдесят-шестьдесят миль к юго-западу от нас. Никогда не слышал, чтобы города забирались так близко к Мертвому континенту...

Рен прямо-таки ощутила, как в крошечной рубке становится тесно от растущего желания Селедки преодолеть каких-то пятьдесят миль и очутиться на палубе города, переполненного добрыми мамами и папами. Необходимо помочь ему убедиться в правильности решения изменить курс и побывать на Брайтоне. Рен не сомневалась, что там ей будет оказан гораздо более теплый прием, чем в Гримсби. Да и Селедке, наверное, тоже, а значит, муки совести ей не грозят.

Рен вошла в рубку и села рядом с Селедкой на стул на колесиках.

– Может быть, Брайтон специально заплыл сюда в поисках Пропавших Мальчишек, – сказала она. – Мне кажется, они уже много дней плывут на север зигзагами и все время передают свое послание. Гаргл говорил мне, что в последнее время стали пропадать пиявки. Он думал, с ними случилась беда, но что, если они услышали это послание и решили отыскать своих родителей?

– Почему же тогда они не сообщили в Гримсби? – спросил Селедка.

– Может, им так хорошо, что не хотят сообщать? Или боятся, что Гаргл накажет их за самовольную поездку в Брайтон?

Селедка задумчиво смотрел на экраны.

– Все эти люди – богачи, а в Пропавшие Мальчишки попадают дети, в чьих семьях только обрадуются, что лишним ртом меньше, да еще сироты или хулиганы с нижних палуб, которые никому не нужны...

– Так тебе Гаргл и Дядюшка говорили, – возразила Рен. – А если это неправда? Они же не выбирают специально, могли нечаянно прихватить ребенка и из богатой семьи. И вообще, кто-нибудь да беспокоится о каждом пропавшем мальчике, даже о сироте. Даже родители хулиганов захотят разыскать сына, если его похитят...

По лицу Селедки скатились две большие слезы, похожие на голубоватые жемчужины в свете мониторов.

– Я пошлю в Гримсби почтовую рыбу и попрошу у Дядюшки разрешения, – решил Селедка.

– Но, Селедка, – вырвалось у Рен, – а вдруг он не разрешит!

– Дядюшка знает лучше! – заученно, но неуверенно произнес Селедка.

– И вообще, к тому времени, как придет ответ, Брайтон может уплыть. Скоро осень, начнутся штормы, сильное волнение. Мисс Фрейя всегда говорила на уроках, что плавающие города осенью укрываются от штормов в защищенных от ветра водах. Так что это может быть твой последний шанс...

– Но одно из правил, которым обучают нас в Грабияриуме, гласит: «Не высовывайся, не давай сухопутникам возможности пронюхать о Пропавших Мальчишках». Это и Гаргл всегда повторял...

– Как видишь, сухопутники давно все про вас знают, – напомнила Рен.

Селедка растерянно покачал головой и вытер слезы внутренней стороной запястья. Привитые в Грабияриуме рефлексy противились растущей надежде, что среди улыбающихся лиц на экране монитора могут оказаться его мама и папа. Он совсем не помнил родителей, но не сомневался: стоит ему встретиться с ними наяву, сразу же узнает их.

– Ладно, – согласился он наконец, – подойдем поближе. Сначала понаблюдаем, с чем едят этот Брайтон. Запустим на борт краб-камов, если удастся. Убедимся, что эти двое из ВОРДЕТ не врут...

Он посмотрел на Рен и пожалел девочку – уж ее-то родителей там точно нет.

– Наверное, с голоду умираешь, – посочувствовал он.

– Ага, проголодалась, – призналась Рен.

Селедка смущенно улыбнулся:

– Я тоже. Кухней всегда Мора занималась. А ты умеешь еду готовить?

Глава 10. Родители-приманка

Обычно в это время года плавучий курорт Брайтон совершал круиз по Срединному морю, бросая время от времени якорь, чтобы туристы с бороздящих побережье движущихся городов и мегаполисов могли подняться на борт с помощью воздушных шаров и прогулочных катеров, посетить его развлекательные аркады и Аквариум, его пляжи и бутики. Однако на протяжении последних сезонов туристический бум пошел на убыль, и муниципалитет решил осуществить рискованное предприятие в Северной Атлантике, чтобы попытаться заработать на пиратах-паразитах.

Но, судя по всему, риск не оправдал себя. Когда восточнее Азорских островов на послание откликнулись первые три пиявки, поднялся настоящий ажиотаж. Новый аттракцион привлек толпы туристов, доставляемых воздушным кораблем с городов Охотничьих земель. С тех пор прошли месяцы, но никаких новых признаков Пропавших Мальчишек, а натянутые вдоль носовой части города длинные транспаранты: «Летняя экспедиция ВОРДЕТ» и «Брайтон приветствует пиратов-паразитов» – пообтрепались, выгорели на солнце и выглядели довольно уныло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.